

**Анатолий Ахутин,
Арнис Ритупс,
Улдис Тиронс**

Философия!.. Философия!..

Печатается в Альманахе с разрешения редакции журнала «Rīgas Laiks».

Собеседники: Анатолий Валерианович Ахутин, философ «школы диалога культур», Москва. Арнис Ритупс, философ, ведущий журналист «Rīgas Laiks», и Улдис Тиронс, главный редактор того же журнала. Разговор происходит в кабинете «школы диалога культур», в Москве, в здании РГГУ, в 2004 году.

Арнис Ритупс: Ты знаешь, что ты человек?

Анатолий Ахутин: Пока не задан контекст, в котором этот вопрос имеет смысл, он бессмыслен, он софизм, игрушка... Сократ начинает разговор о том, что называется общепринятым, о «доксе», и тут начинает копать. А ты делаешь из философии игрушку, а именно: ты уже заранее знаешь, что там есть такие заковыристые вопросы, и сразу — бум!.. по лбу человека: «А что такое человек?»... Ну, этот вопрос где-то и как-то встает, конечно...

Арнис Ритупс: Я не говорю, что «что такое «человек» — глупый вопрос», я спрашиваю: Ты знаешь, что ты человек?

Анатолий Ахутин: Вот это и есть софистический вопрос... к нему надо подойти...

Некто: Ну хорошо: откуда ты взял, что ты человек?

Анатолий Ахутин: Так принято, так вроде само собой разумеется... Я повторяю, к вопросу надо подойти, а не просто ошарашить: «а откуда ты знаешь, что ты человек?»... А откуда ты знаешь, что вообще что-то происходит?

Арнис Ритупс: А я и не говорил, что я знаю...

Анатолий Ахутин: А я чего-нибудь говорил? А ты затеиваешь событие, собираешься со мной интервью делать... ради чего-то, что-то там у тебя в голове крутится, планы какие-то... С чего ты вообще взял, что это нужно?... о чем речь?

Арнис Ритупс: Знаю, что нужно...

Анатолий Ахутин: Знаешь, тогда скажи, о чем речь вообще? Что ты от меня хочешь? Может, мне сразу же ответить по-русски: «Пошел,

дескать...»? Надо же войти в эти дебри какой-то тропкой...

Арнис Ритупс: Ну, давай постараемся, постараемся... Ты философ?

Анатолий Ахутин: Какой я философ! Ну ладно: я человек, который занимается философией, интересуется, которого очень занимает это дело.

Арнис Ритупс: А что тебе не хватает, чтобы ты был философом? В чем отличие человека, занимающегося философией...

Анатолий Ахутин: Не мое дело решать. «Другие по живому следу пройдут твой путь за пядью пядь», если понадобится... Кто ты такой, философ или так просто, ты сам не можешь решить. Получилось что-то или нет, Бог знает... А сам я знаю только, что занимаюсь философией настолько, насколько понимаю, что это такое, насколько у меня получается отвечать некоему требованию, идущему от философии, как я его слышу... Единственное только тон этого требования мне внятен, что оно не таково, как требование науки, искусства, религии... Это особое требование, особая обращенность...

Арнис Ритупс: В чем своеобразие?

Анатолий Ахутин: Это очень трудно определить. Пока тут слух, так сказать, интонация некая, тональность... На слух определяешь философский вопрос. Это вопрос особый, не вопрос веры, не вопрос науки, не «вопросы жизни» и это не дело искусства (тут по отношению к искусству «вопрос», уже вообще слово неуместное. Можно говорить разве что «запрос»). Это не то,.. философия меня интересует именно в том качестве, в каком отличается от религии, искусства, науки, то есть ближайшего к ней... равно также и от политики, в широком смысле слова.

Арнис Ритупс: Хорошо, но тогда вернемся к тому, что ты сказал, что ты интересуешься философией, занимаешься ею,.. ты не мог бы начать расшифровывать: занимаясь философией, ты занимаешься чем?

Анатолий Ахутин: Формула, что я занимаюсь философией, дает мне повод, подсказку ответа на этот вопрос. Для меня нету какой-то «моей» философии, которую я развиваю, или

чьей-то, которой я привержен, а все прочее было бы уклонением, только подготовкой или чем-нибудь в этом духе. Для меня нету просто современной философии, которая отменила или улучшила, или очистила или усовершенствовала прежнюю философию. Для меня вся философия есть сама философия. Имею в виду европейскую философию, потому что с восточной я не знаком, можно считать... От Сократа до нынешних дней это одна философия, которая не имеет таких,.. то есть ей нечего терять... (смешно звучит, но верно сказало) в качестве философии. Она пропадает, исчезает, разоблачается, критикуется в формах, которые по отношению к собственно философской задаче суть внешние деформации некоторые псевдоморфозы собственно философии. А «собственно философия» она одна. Действительное ее начало это Греция. Потом философия, на мой взгляд (я не буду больше повторять: «на мой взгляд», потому что все, что я говорю, это, разумеется, только мой взгляд), существует так, что каждый раз не продолжается, а вновь рождается, она хотя и одна, но одна вот в этом,.. в чем? что она не продолжается. Внутри философии я по существу не ввожу такие понятия, как «школы», «традиции», «направления», то есть то, что обобщенно можно назвать «измом». Для меня философия это такая вещь, которая для того, чтобы быть самой собой, должна начинаться заново. Вот эта формула, «для того, чтобы быть самой собой», то есть остаться собой, продолжить быть, должна начинаться заново уже немножко поясняет, какой смысл для меня имеет собственно философия.

Значит, я занимаюсь ею так, как занимается любой академически настроенный историк философии, то есть она для меня в этом смысле вся равноценна. Как подходит историк? Для него не важно «истинно — не истинно», «современно, не современно»... была такая вещь, значит я должен ее каким-то образом понять и дать о ней понятие другим... Так вот, в этом смысле я работаю как историк. Но в отличие от историка, для которого это предмет описания, типологизации, классификации, систематизации историографического плана, в отличие от историка для меня вся эта философия одинаково актуальна именно как философия, и сразу же, если так подойти к делу, встает вопрос: как же так может быть? Философские учения же чрезвычайно разные, более того, радикально спорящие друг с другом. Уже ближайшие, скажем, Платон и Аристотель, это системы, растущие почти из одного корня, но вместе с тем находящиеся друг с другом в отношении спора, конфликта. Не говоря про то, что приходит, скажем, следующая эпоха, Средние века, и вообще отменяет всю эту греческую философию, хотя

потом восстанавливает как путь к христианству и как язык богословия... Но сначала просто отменяет, как мудрость мира сего. А потом приходит Новое Время, и отменяется вся предшествующая философия — философия темных веков, предрассудков, метафизик религиозных и так далее... Ну так вот, вопреки этой видимости для меня ни одна из философий, несмотря на ее радикальное различие и несмотря на то, что она каждый раз норовит все предыдущие отменить, это и есть манера поведения философии как таковой вообще, поскольку она начинается каждый раз заново... я снова обращаюсь к этому определению. То, что она каждый раз должна начинаться заново, входит в классическое определение философии, данное Аристотелем. Не столько философии, сколько ее «предмета». Философия это то, что занимается первыми началами и причинами сущего как такового, говорит Аристотель, поскольку оно сущее. Значит, поскольку она занимается первыми началами и, стало быть, не должна и не может принимать ничего такого, что не является первым и начальным, то влезание в эту сферу начал оказывается для нее решающим, определяющим или, как сказали бы нынче, конституирующим ее в качестве философии. А стало быть, она каждый раз должна впадать вот в этот искус начинания. Вот почему она каждый раз начинает сначала и, естественно, может повернуть эту проблему совершенно иначе, а поскольку речь идет о начале, это расхождение принципиально, изначально. Поэтому между разными философиями как бы нет ничего общего, потому что у них начала разные, принципы разные. Вот как объясняется соединение принципиальной разницы и того, что они об одном и том же. Это «одно и то же» это начало, начало сущего, поскольку оно сущее.

Арнис Ритупс: А как ты узнаешь, что это философский текст?

Анатолий Ахутин: Это неверная постановка вопроса... Любой текст, который историками, филологами или кем угодно зафиксирован как, скажем, исторический или поэтический, или мифологический, или религиозный,.. в любом тексте я могу найти некоторые моменты (если они там есть), действительно имеющие философскую направленность, с одной стороны. С другой стороны, любой текст, который классифицирован как философский, в нем может собственно философии содержаться одна пятая часть, а все остальное... Вот, например, платоновское *Государство*, оно содержит философию, безусловно, но это небольшая, хотя и важная часть всего трактата. Философский текст в процессе чтения прежде всего тормозит мысль, задерживает бег чтения и втягивает на месте в своего рода герменевтический круг, такой герменевтически устроенный

кусочек текста! Я читаю, как читают повествование. Например, начало: вот постановка вопроса о справедливости и так далее... Мы входим в круг проблем, которыми будем заниматься. Затем рассказывается много разных вещей, которые мы читаем как рассказы или как развертку каких-то там проблем ученым, тем же политологом. Но вдруг возникает заколдованное место, куда как входишь, так уже можно дальше никуда не выходить, вроде конца VI или VII книг. Ты в нем будешь крутиться и ввинчиваться все глубже и глубже в перепонимании того, что тебе сказано, и как бы идти дальше нет необходимости, а пойдешь, оно все равно останется словно недочитанным. Ты идешь дальше только потому, что так построен диалог, текст так построен. А признак философского текста — это гераклитовская форма, то есть некоторая загадка, форма загадки. Гераклитовские фрагменты — это не только и не просто обрывки, обломки большого трактата или текста, которые до нас дошли. Можно показать, и филологи это показали, что они построены как маленькие целостные тексты, афоризмы, загадки, оракулы, иногда даже как пословицы или формы так называемой гномической мудрости. Все эти фольклорные формы используются Гераклитом, и это очень показательно, это свойство философского текста. Не только философского, но философский текст обладает таким свойством, он сформулирован как некоторая загадка, причем не имеющая однозначной разгадки.

Арнис Ритупс: Это необходимый признак?

Анатолий Ахутин: Это чрезвычайно показательный признак. Он может быть совершенно неявный, например, если мы читаем такие трактаты, как аристотелевские, кантовские, Фомы Аквинского, не видно сразу этих гераклитовских форм. Но некоторые места по содержанию, не обязательно по форме, останавливают мысль, следящую за речью, обращают ее на себя. Например, я читаю: есть истины, доступные естественному свету разума, а есть истина откровения. Богословски очень даже понятно. Но философски настроенное внимание остановится: каким же разумом я понимаю откровенные истины? Ведь они обращены ко мне как слова (Божии), требующие моего понимания, иначе чему я верю-то? Философская остановка здесь не критика откровения, а, напротив, критика, требующая вернуться и переосмыслить то, что я считал разумом. Тут под вопрос ставится «естественность» естественного разума. И попробуй выбраться из воронки этого переосмысления. То есть философский текст — это текст, который вынуждает остановиться. Он устроен так же, как, говоря греческим, неоплатоническим, *ἐπιστροφῆ*, эпистрофично, возвратно. Этот текст устроен так, что в конце, где приходит

понимание, оно оказывается таким, что я прихожу в недоумение от того, как я поначалу понял значения первых слов. Я вообще замечаю, что я как-то их понимал (а не просто умел видеть вещи сквозь слова-знаки. «Ах, вот в чем дело!» говорю я, и возвращаюсь к первому слову, чтобы прочитать заново эту фразу. Это описано Гегелем в предисловии к «Феноменологии духа»: строение философской фразы. Она говорит о таких вещах (даже по содержанию), о которых мы впервые узнаем только сказав, что мы думали, и замечаем, что первое, что мы не знали вещь, а думали ее и второе, что вещь-то осталась «в себе», словно отодвигая наши думания.

Арнис Ритупс: Подожди... еще раз...

Анатолий Ахутин: Ну, скажем, вот Гегель приводит пример высказывания о Боге: Бог есть всемогущий. Ничего другого, кроме того, что Он есть всемогущий мы пока о Боге не знаем, поскольку читаем этот текст. Значит слово «Бог» как подлежащее фразы пусто. Оно наполняется только своим сказуемым. Т. е. я должен вернуться вновь к исходному подлежащему, субъекту, вместе с этим знанием, «всемогущественностью», и прочитать фразу заново. Но тогда она оказывается тавтологией: «Всемогущий есть всемогущий». Значит я должен в этой «всемогущественности» и «божественности» открыть еще один предикат, другой предикат. Я их не подбираю извне, я их извлекаю из вдумывания в эту вот заданную мне загадку. А она задается фиктивной формой суждения: будто есть субъект, который я будто держу в руках, рассматриваю и извлекаю его предикаты. А ведь у меня в руках ничего нет...

Арнис Ритупс: Понял, понял...

Анатолий Ахутин: Понятно, да? Это просто пример того, как фигурка текста сбивает с толку. Гегель говорит: «Поэтому философский текст трудно читать», потому что читаешь его как нормальный текст, как повествовательный или что-то там излагающий, систему или учение, а он не повествовательный, не дедуктивный, он эпистрофичный, возвращающий в себя. *Ergo cogito ergo sum* это не суждение, а хоровод равномогущих «субъектов», определяющих, толкующих, конституирующих (впервые) друг друга. Собственно, ты не выбираешься из первого понятия: понятия-имени, понятия-определения. Это определение, переопределяющее само себя, и это текст как ловушка для того, чтобы ты остановился и вдумался в то, что тебе кажется, у тебя в руках, и нужно только его качество или, там свойства и атрибуты описать.

Арнис Ритупс: Хорошо, если философия всегда начинается заново, то как кто-то может начать?... или, скажем, как кто-то может попасть в это поле, где это становится интересным?

Анатолий Ахутин: Философия при внимательном рассмотрении есть вот это обращение внимания, которое я сейчас попытался на элементе суждения показать, оно характерно для всего философского текста, разумеется. Напомню просто уже всем известную фразу Платона из «Софиста», которую Хайдеггер снова напоминает нам: «философия не рассказывает мифов». Тут дело не в «мифах» а в «не рассказывает».

Арнис Ритупс: Как? Тут дело не в мифах?...

Анатолий Ахутин: А в слове «не рассказывает»...

Арнис Ритупс: Ага...

Анатолий Ахутин: Платон хочет подчеркнуть не то, что она не рассказывает фантастических историй, а то, что она не повествует. Философия не повествует о мире, Боге, о сознании, о познании, о мышлении... — обо всем этом не повествует, потому что ничего не находит такого в качестве готового...

Арнис Ритупс: Она не повествует, а делает что?

Анатолий Ахутин: А просто заставляет задуматься о том, о чем так не приходит в голову задуматься. И идет в этом до конца, то есть до первоначала, которое что? То есть философия обращает то, о чем мы привыкли повествовать и рассказывать, в загадку, открывает его темноту, открывает его собственное бытие не в смысле... не буду говорить, в каком «не в смысле», а в смысле того, что... воспользуюсь кантовским оборотом, хотя он сюда перенесен неточно: в смысле «некоего в себе». Не хочу сослаться специально на кантовскую вещь в себе, но не могу найти лучшего оборота: бытие характеризуется, может быть охарактеризовано этим «в себе». Философия обращает внимание (и это выражение должно сейчас быть буквально понято) на то, что «в себе» — не для нас, не среди людей, не в обществе, не в государстве, а «в себе». Туда, куда наш глаз и наше внимание никогда не обращается, пока мы заняты делами, заняты жизнью, заняты друг другом и так далее. В это мире наших занятий эти «в себе» нас не интересуют, не затрагивают. Вещи и все, что ни есть, интересуют нас постольку, поскольку они все-таки нас как-то касаются, как-то участвуют в наших делах, в наших занятиях. Вот, например, тот же Бог... (смеется) возьмем того же Бога... Много очень о нем можно сказать, и в церковь ходить, и книги читать, и так далее, поскольку Он есть фундаментальная составляющая часть (я прошу прощения за все эти... такие... ну, за обыденный язык, что ли) составная часть некоторой нашей жизни... жизни, которая религиозным образом осмыслена, осознана. Но это форма жизни. И стоит только вот вам... вот, пожалуйста, философский момент внутри богословия, — сто-

ит только обратить внимание на «Бога в себе», а не для нас, как возникают совершенно парадоксальнейшие открытия. Вопрос ведь встает жуткий: «Как возможен Бог?», — говоря на кантовском языке. «Как возможен Бог», это значит: «что Он есть в себе», не для нас. Условно говоря, мы его выдумали, предположим. Нам Он нужен настолько, что мы его выдумали, например. Даже если мы его выдумали, философия спрашивает: «А что, собственно, мы выдумали?» То, что мы выдумали для себя, оказывается гораздо большим, чем то, чем Он нам служит. «Большим», это в кавычках,... чем-то иным! Так вот, то, что на Боге демонстрируется очень ярко и остро, свойственно любой вещи человеческого обихода, самым абстрактным понятиям и эфемерным, мимолетным выдумкам, всему обиходу человеческого мира. Мы не знаем, какие силы приводим в движение, когда думаем, что просто думаем. Одно - какое значение имеет эта вещь в нашем Lebenswelt, жизненном мире, другое - что она есть сама. Вещь выдумана, положим. Ну, что бы такое взять уже совсем выдуманное? Ну, политическая партия. Ну, фикция полная... В особенности современная. В отличие от того, что было раньше, а именно, политическая партия отражала интересы какого-то класса, сословия. Нынешняя политическая партия занимается своими делами, а отношение к населению имеет сугубо косвенное и ей неведомое. Фикция, да? И вся политика, ее, извините, дискурс, сплошные «словесные призраки», как говорил Платон, знаток в этих делах. А вот философский поворот внимания или обращение внимания: что это такое делается, что это у нас такое крутится как «партия», «политика», «экономика»? то есть «в себе», как некое чудоюдо, составленное из «деятелей», чем более политтехнологичных, пиарных, экспертных и пр., тем менее ведающих, что творят. Открытия тут могут быть очень интересными. Гегель говорил о хитрости мирового разума, но тут приходится говорить о его забавах... Была такая реклама водки «Абсолют»: бутылка, составленная из массы людей и снятая сверху в разных местностях и расположениях. Вот мы «делаем политику», а Богу сверху видна бродячая бутылка, с которой нечего делать.

Арнис Ритупс: Ну скажи, то, что есть «в себе», как оно может касаться или как его может коснуться...

Анатолий Ахутин: Это вопрос, который извечно задают философии. Во-первых, я немножко недокончил... — я ушел в сторону с этим «в себе», а вопрос был «как может начаться»...

Арнис Ритупс: Да.

Анатолий Ахутин: Так я, наверное, все-таки вернусь и закончу. Так вот философский

текст отличается от любого другого тем, что не повествует, а обращает внимание, это его работа. Тут слово «обращение» чрезвычайно близко религиозному обращению, понятию «религиозное обращение», обращение в какую-то веру. Но здесь не в веру, здесь наше внимание обращается, эпистрофически обращается туда, где возникают эти вопросы: зачем это нужно, что это такое, откуда это на нас свалилось? А главное: что, собственно, происходит? Удивление, вот это самое удивление, которое начало философии по слову Платона и Аристотеля

Арнис Ритупс: Одно из возможных начал, нет?...

Анатолий Ахутин: Ну, разумеется, одно из возможных, конечно, но характерное. «Как можно начать?» ты спросил. — Как кто-то когда-то может начать философствовать? Ну, разумеется, не на голом месте и не под голым небом, а в слове, речи, там все и начинается. Произнесение слова таинство всех таинств. Но мы имеем уже готовые тексты. Как это началось, когда еще никаких текстов не было — это другой вопрос, исторический. Текст философский не обязательно, как я уже говорил, по жанру квалифицирован как философский... есть философский текст, и отличие его в том, что он обладает вот этой машиной по обращению внимания. К чему? К тому, что вдруг удивляет, тогда как в обиходе, в жизненном мире никогда не привлекает так к себе внимания оно настолько естественно. Что, например, простейшее? «есть». Вот как, посмотрите, как нам многие люди показывали, а Хайдеггер вообще из этого сделал свое начало философии прежде всего, что в нашем мире есть есть. И это для нас. А теперь Хайдеггер и любой философ спрашивает: а, собственно, что это значит «есть»? то есть «в себе». Я отвлекаюсь от того, что мы существуем, мы существуем в мире, сосуществуем друг с другом, существует огромное количество разных вещей, и существует, там... — вот этот космос, неизвестно, кем сделанный, и так далее. Мы от этого отвлекаемся, а вовлекаемся в загадку: «а что это, собственно, значит все это и каждый в отдельности есть»? Не что такое то или се, это другой вопрос, а что есть...

Арнис Ритупс: Ну, не развивай это...

Анатолий Ахутин: Хорошо... перехожу к характеру удивления... чему удивляются? удивляются тому, чему никто не удивлялся. Тогда это удивление начало философии. Так вот, если эта машина обращения внимания сработала, если такое удивление, по поводу любого предмета, не обязательно бытия любого предмета, о котором идет речь в этом тексте человек, Бог, или наоборот, даже стол... если такое обращение внимания сработало, то человек может распознать внутри

себя, психологически даже, явления философского внимания, философского вопрошания. Он может даже не называть это философским, может даже и не подозревать о том, что оно философское, но это то начало, откуда растет любая философия.

Арнис Ритупс: Хорошо, но давай возвратимся к вопросу. Как можно коснуться того, что есть само в себе?

Анатолий Ахутин: Касаются-то вот этим вниманием, вот этим философским умом, который не ум наук, а ум внимания, ум этой озадаченности... Этим только мы и касаемся, больше никак. Вопрос может быть другой: как это касается нас? Вот мы касаемся этого вниманием, ну, и зачем оно нам нужно, грубо говоря, если оно выводит нас из нашего мира не в другой мир, который тоже наш, как потусторонние миры, которые мы придумали, или которые пускай существуют, не об этом речь, они все равно нам нужны, мы живем в горизонте потустороннего мира, где будет какая-то жизнь и так далее, это все равно наш мир, дело не в том, что он потусторонний, а дело в том, что и наш-то, посюсторонний к нам не имеет никакого отношения! Вот это и есть основной вопрос, с которым всегда обращаются люди к философии... ставя ее под вопрос: если она занимается ненужным, зачем нам она нужна. И Аристотель, который до сих пор может оставаться просто Философом, так и констатирует: философия или мудрость это то, что меньше всего нужно или даже вообще не нужно, но что лучше всего. Что это значит: «лучше всего», если она никому не нужна? Он говорит так: она совершенно не необходима для человеческих нужд, для пользы. Не необходима, но она самая лучшая.

Арнис Ритупс: Лучшая для чего?

Анатолий Ахутин: «Для чего?»... Вот этот вопрос постоянно и задается и задается. Какое дело нам до этого «в себе» и этому «в себе» до нас? Говоря просто: каков практический смысл отвлеченного мышления? Вот это обращение внимания более простым и классическим языком можно назвать «отвлеченное мышление»... философия вовлекает человека в отвлеченное мышление.

Арнис Ритупс: Ну, это я понял...

Анатолий Ахутин: Значит, каков практический смысл этого отвлеченного мышления?

Арнис Ритупс: Да, такой вопрос. И каков ответ?

Анатолий Ахутин: Прежде всего неплохо помнить, что мы живем в неведомом.

Арнис Ритупс: В чем?

Анатолий Ахутин: В неведомом. Мы живем не в мире, «нам знакомом до слез, до прожи-

лок, до детских припухлых желез», а мы живем в неведомом, мы живем в загадке, мы живем под вопросом, и это не просто ощущение, а понимание того, что человеческое бытие, в отличие от любого другого, которое не стоит под вопросом неведомого, а живет простых опасностях, человеческое бытие не просто живет в опасности, а живет под вопросом. Это будет слишком крайняя формулировка, но для ясности, для резкости: человек это то, в чем само бытие существует под вопросом...

Арнис Ритупс: Ну, слышал я такой оборот...

Анатолий Ахутин: Да... существует под вопросом, то есть как бы сомневается в самом себе: а есть ли оно? Уже не человек сомневается в Боге (это пустяки), а вот само сущее есть сущее постольку, поскольку «сомневается в самом себе». Вот характеристика того, что называется бытием в себе. Тут уже в тему можно вести «ничто»... не совсем в хайдеггеровском обороте. Просто следуя некой логике. Мы должны, соответственно, это «ничто», которое появилось на горизонте, понимать в контексте этой последовательности, не заимствовать его откуда-нибудь из других мест. В смысл бытия включается возможность «ничто» не как чего-то наряду с неприступным ему бытием находящегося, как у Парменида, скажем, а возможность того, что вообще ничего нет и никогда не было, очень грубо и для простоты говоря. Или не будет, да так, что ничего и не было. Вот возможно ли такое? Или принципиально невозможно, т. е. немислимо.

Арнис Ритупс: Тогда у меня следующий вопрос... — Я хотел у тебя спросить: не допускаешь ли ты, что ничего в самом себе не существует? не допускаешь ли ты такое?

Анатолий Ахутин: Это вопрос в жанре научного вопроса, то есть как если бы это можно было проверить... Вообще-то не допускаю, потому что просто из этого состою: тело, слово, какие-то, говорят, подсознания... вон стол надулся, за окном погода... что? откуда?

Арнис Ритупс: Мой вопрос связан с тем, что ты описал как один из характерных вопросов философии, вопрос «а что это такое?», который подразумевает, что что-то само по себе есть, хотя бы что-то. А откуда такая предпосылка, что что-то есть само по себе?

Анатолий Ахутин: Этот вопрос может появиться только после того, как уже прошли...

Арнис Ритупс: Ты уже коснулся возможности ничто...

Анатолий Ахутин: Да-да-да... — это значит, что постольку «ничто» появилось как внутренняя возможность бытия, постольку само «ничто» содержит в себе возможность бытия, без

возможности бытия говорить о «ничто» бессмысленно.

Арнис Ритупс: Что такое бытие, я не понимаю, о чем ты? Ты раз семь сказал «бытие»... — о чем?

Анатолий Ахутин: Этот вопрос возникает потому, что бытие (это, вполне возможно, дефект того, как я это говорил) рассматривается как некая вещь вещей, и тогда естественно спросить: с какой стати ты думаешь, что такая вещь есть?

Арнис Ритупс: (одобрительно) Мгм...

Анатолий Ахутин: Но... (длинное молчание) Ты знаешь, я даже, пожалуй, и не смогу ответить. Не потому, что ответа нет... — В задаваемом тобою контексте ответа нет и быть не может, потому что это не тот контекст, где... Тут бы Мераб Мамардашвили сказал: «я о другом, совсем о другом». Я понимаю, что это пока отговорки, я немножко теряюсь, я не могу понять, как бы мне ещё раз сказать, чтобы такого рода вопрос не мог возникнуть по своей мыслительной неуместности не в смысле психологическом, а потому, что ему нет места в смысле... Я не могу это сейчас удачно сформулировать... Это еще одно отличие философии от науки, от истории той же, от описаний каких-то, что ее мысль всегда, к сожалению для меня, в частности сейчас... — ее мысль всегда существует, лишь постольку тут же рождается. Мысль философская всегда *in statu nascendi* ...

Арнис Ритупс: Это что?

Анатолий Ахутин: *in statu nascendi*, всегда в момент рождения, в момент возникновения. Она не результат рождения, она внутри себя несет «сейчас-рождаемость»... об этом Мамардашвили очень часто говорил, но я это описываю не как какое-то достоинство, а как трудность философской мысли. Вот сейчас мне нужно... но я знаю, что не завтра, не послезавтра, а когда-нибудь, когда я в очередной раз буду идти близким ходом мысли, может при удаче случиться, что я вдруг увижу: вот ведь что надо было Арнису ответить!... а сейчас не могу просто...

Арнис Ритупс: Хорошо, я еще раз постараюсь задать предыдущий вопрос, который ты охарактеризовал как научный и тоже неуместный: о предпосылке того, что что-то есть само по себе...

Анатолий Ахутин: Такой предпосылки нет.

Арнис Ритупс: А какая же тогда предпосылка в вопросе: а вот что это такое?

Анатолий Ахутин: Это не вопрос... Вполне может быть, что ничего нет. Но эта возможность вне вопроса, потому что вопрос есть. Возможность эта может иметь значение и большое, если она появляется в горизонте вопроса, а вопрос

есть. Разумеется не формальный вопрос, а экзистенциальный. Вопрос первичнее “ничего нет”, потому что «ничего нет» это ответ, предполагает решение, твое решение, твое вмешательство. Ничто не может быть ответом, оно может зиять только вопросом, а вопрос есть (такая переформулировка декартова основоположения). В качестве ответа, решения может быть (NB!) все что угодно, может и ничего нет. Я на это отвечаю: это неинтересно. Во-первых, это неуместно, во-вторых, это неинтересно. Ведь все содержания, которые я тут пытался развернуть, определены одной очень важной вещью: глубочайшим интересом, за-интересованностью, вниманием (вслушиванием, вдумыванием, всматриванием). Внимание не может быть без интереса, без глубочайшей захваченности, как сказал бы Володя Бибахин, захваченности этой вот ситуацией, этой «вещью». Стало быть, задать этой захваченности вопрос: а может, вообще ничего нету? это примерно так...

Арнис Ритупс: Я такого вопроса не задавал... «может, ничего самого по себе»...

Анатолий Ахутин: Да все что я говорил, это то, что все “наше”, если только есть, есть потому, что есть также и в себе, иначе вообще ничего нет, ни самой пустой выдумки, потому что даже думающее есть что-то еще, кроме того, как я им пользуюсь. Что говорить, даже машина, вон компьютер — и те имеют норы: железо-то материя, уже внутри себя глубочайшим образом оформленная, а мы только наружную форму ей придаем. Философия растет из захваченности этой повсеместной тайной, которая называется проще некуда: бытие. Нет этой тайны — нет и философии, не о чем говорить, пошли за пивом. Вот простой ответ, очень простой ответ: слово «философия» включает в себя это дело: филию, любовь, страсть...

Арнис Ритупс: Ну?...

Анатолий Ахутин: Страсть! Теперь вообрази себе, когда ты в страсти. Со словом «филия», образованы в греческом такие слова, как по-русски често-любие, сребро-любие... страсти! Теперь вообрази человека, охваченного такой страстью... а ты ему в этой страсти говоришь: «А почему ты думаешь, что то, к чему ты стремишься в этой страсти, существует?»

Арнис Ритупс: Да, ну нормальный вопрос.

Анатолий Ахутин: В страсти этого вопроса не может быть! Он не поймет вопроса!

Арнис Ритупс: В страсти тогда вообще никаких вопросов нет, это просто страсть, какая-то сила... — куда-то несет...

Анатолий Ахутин: (перекрикивает) Философия!... — философия!... Предлагаю это сделать названием интервью.

Арнис Ритупс: И когда тебя нельзя остано-

вить, о чем ты? о чем?! О каком бытии, и о какой мысли?!

Анатолий Ахутин: Во-первых, слово «философия», которое, я считаю, намекает на суть занятия этим предметом, включает в себя страсть.

Арнис Ритупс: Хорошо.

Анатолий Ахутин: Это первое. Второе... эта страсть парадоксальным образом включает в себя страсть давать отчет, то есть то, что ты сказал сейчас: вот, остановить и спросить «а что, собственно, ты имеешь в виду», это входит в эту страсть.

Арнис Ритупс: Хорошо.

Анатолий Ахутин: Отсюда я делаю вывод. Действительно делаю, у меня заранее его не было: отчет, который ты требуешь, указывает на существование самой этой страсти... то есть грубо говоря так: если есть эта страсть, то есть и что захватывает. Конечно, можно сказать, что в таком случае и любая самая идиотская страсть доказывает, что есть чем захватить... это не так уж нелепо. Страсть доказывает бытие того, к чему эта страсть направлена.

Арнис Ритупс: Это кто сказал?

Анатолий Ахутин: Я сказал... только что...

Арнис Ритупс: Ты так думаешь, что страсть доказывает бытие того, к чему эта страсть обращена?...

Анатолий Ахутин: Да... я вынужден так думать... философ вынужден так говорить и часто сам пугается того, что говорит, как бывало с Платоном. Может просто недодумал, может, зарпортовался, а может и сказало что помимо воли...

Арнис Ритупс: Хорошо, позволь мне уточняющий вопрос... Какая разница между тем, что ты просто придумал, и оно есть, потому что ты придумал...

Анатолий Ахутин: Я с этого начал...

Арнис Ритупс: Дослушай вопрос... разница между тем, что ты придумал, и тем, что... как-то... не ты придумал, а кто-то другой, Бог или другой человек.

Анатолий Ахутин: Значит, присутствие в том, что ты придумал, того, что не ты придумал, доказывается степенью захваченности тем в придуманном, чего ты не придумывал и не подзревал, а оно есть. Ведь любое сказанное слово тому свидетель. Единственное, что я сказал: заметить это, удивиться этому, заинтересоваться этим, быть этим захваченным, вот начало философии. Ты ведь спрашивал об этом. Вот я и говорю: пока эта сторона всего на свете настолько существует, что способна захватить все существо человека, до тех пор есть философия. Ежели откроется вдруг, что ничего такого нет, философия

испарится. Хотя, повторяю, если это открылось, открылось вместе и неустрашимость этой тайны, скорее, приходится спрашивать теперь о противоположном, где же и кто же тот я, кто думал, что он придумывает. Беда лишь в том, что открытие это его очевидность внутренняя (как любое философское открытие), а не внешняя. Нельзя доказать, надо ввести туда, о чем философия свидетельствует. Вспомни, первый оборот был: мы придумываем, положим, Бога, мы его придумали, как многие доказывали. Но парадокс в том, что придумыванием мы открыли, мы открыли на самом деле нечто большее нас самих, нечто большее нас выдумывающих! В этом парадокс! Это же, с одной стороны, парадокс, с другой стороны банальная вещь. Любой художник, романист скажет тебе, что только тогда он понимает, что что-то удастся, когда не он кладёт мазок, а рука его как в магнитном поле тянется туда, куда надо положить мазок! Значит, что-то сверх него...

Арнис Ритупс: Или «снизу» его... или «сильнее» его...

Анатолий Ахутин: Сильнее его! Вот это и есть всеобщее...

Арнис Ритупс: (тоже кричит). То, что сильнее не говорит о том, что что-то есть!...

Анатолий Ахутин: Сильнее... погоди, я сейчас отгалкиваюсь от противопоставления, заданного тобою именно: «выдуманность» мною и «невыдуманность» мною или другим. Это значит...

Арнис Ритупс: Есть ли они в одном и том же смысле?

Анатолий Ахутин: Я про это и говорю... просто я пользуюсь твоими понятиями. Чем отличить то, что мною не выдуманно от того, что мною выдуманно? То, что мною не выдуманно, обладает какой-то необходимостью, плотностью, упорством, превосходством... не отпускает. Оно само становится источником понимания, не я. То, что мною выдуманно, лучше сказать, надумано, тут же и разбирается до конца. А здесь я этого не могу сделать, оказывается, там что-то есть, что-то большее, чем я думал. Могу придумать мир, скажем, ну, сказку «что такое космос», и это будет моей выдумкой, пока не заживет само. Вот человек когда-то придумал число и тысячелетиями, до сих пор из него извлекает все новое и новое. А выдумку мне надо самому держать, без меня ее нет, там пусто, то есть я полностью господствую...

Арнис Ритупс: Ну, хорошо...

Анатолий Ахутин: А другое, то есть то, что не я надумал, а открыл, думая, отличается тем, что обладает каким-то собственным своим упорством, я не могу его просто взять и уничтожить, по крайней мере это так же трудно, как разрушить

вещь или даже убить. Космос, который, как мне кажется, есть, а не я выдумал, доказывает это силой своей тайны, вот почему я пользуюсь этим словом... (кричит) А ты мне говоришь, что сила не критерий! Конечно, в каком-то смысле она не критерий, но здесь ты мне сам подсказал эту силу, то есть: то, с чем я уже не могу справиться, такой Франкенштейн. Вот симптом, что это другое. Парадокс страсти, художественной страсти, любовной страсти или философской страсти (разница только в предметах) таков, что нам демонстрирует любой художник, ученый и философ, он сочиняет и придумывает нечто такое, что оказывается сильнее (в этом смысле), то есть упрямее... ну, как бы Франкенштейн своего рода, неподвластный ему. Разве влюбленный не творит любимого, по-настоящему творит, тот изменяется, уходит, забудет, а прежним уже не станет... И для любого художника знак того, что получается в том, что сочиненный персонаж уже сам себя как-то ведет, свою жизнь живет, надо только следить и протоколировать. Это значит, он сумел его слепить. Вот так же точно и в философии. Мысль или идея (платоновская идея... слово «идея» здесь чрезвычайно значимо буквально в этом самом парадоксе, о котором я сейчас только говорил), идея это то, что пускай там в поисках и в анализе чего-то, но то, что мы складываем о нем, это мысль, умопостигаемая вещь. Умопостигается это значит, что она есть произведение нашего ума, вообще говоря, а вместе с тем это сама вечность вещи, основа того, что ничему не подвластно, никакому исследованию, анализу, определению... Идея платоновская и даже кантовская — это основа того, что так или иначе не наше, превосходит меня со всеми моими познаниями, методами и подходами, и эту всю неприступность я вижу в свете идеи, а не ее выдумываю. Вот это превращение моего дела, в данном случае, мысли в то, что сильнее моей выдумки, вот это и есть то, чем философия захватывается. То есть она не захватывается чем-то внешним, поэтому нельзя спрашивать: с какой стати ты предполагаешь, что это внешнее есть? Речь идет не о внешнем. Речь идет о том, что захватывает, и это что захватывает обнаруживает себя силой захвата, хватки, силой, которая вовлекает тебя. Как опять-таки известное аристотелевское определение, что двигатель движет, как движет предмет любви, стремления, страсти — не то, что тебя толкает извне. Но ты обрати внимание, что этот двигатель — это ум, это то, что является сродным тому, как и чем ты к этому приходишь. Значит, поставить здесь одно или другое на первое место нельзя, нельзя сказать, что вот есть бытие, а вот я к нему стремлюсь... нельзя такого сказать. До моего стремления никакого бытия (прости, Господи!) нет. То

есть оно есть, но оно есть как-то так, так как-то, не по-настоящему, в безразлично-снисходительном допущении: дескать, наверное есть, а то как же без бытия, а мне на работу идти... До моего предельно интеллектуального стремления к бытию ни о каком бытии речи нет. Оно, это бытие, на кончике пера, грубо говоря, существует. А там, где о нем речь заходит, где мысль его касается, не может быть речи уже ни о чем другом.

Арнис Ритупс: Толя, я не могу такими большими шагами...

Анатолий Ахутин: Я думаю: наоборот, я топчусь на месте...

Арнис Ритупс: Да... но ты топчешься в этом месте очень много на чем.... Насчет вот этой выдумки, если мы можем остановиться... Бытие это не придуманное ли философами?

Анатолий Ахутин: Придуманное философами, придуманное.

Арнис Ритупс: Придуманное и в этом смысле искусственное...

Анатолий Ахутин: Искусственное....

Арнис Ритупс: Созданный какой-то умственный предмет...

Анатолий Ахутин: Угм...

Арнис Ритупс: Которым потом, после того, как они его создали, бросили себе и другим, они вот этим и могут заниматься...

Анатолий Ахутин: Что значит «заниматься»?

Арнис Ритупс: Ну, по-разному его раскручивать...

Анатолий Ахутин: Куда «по-разному», когда это единственное, о чем можно сказать, что оно есть... Что там по-разному раскручивать? Это тебе не физические тела и не рассказы о путешествиях в загробный мир или...

Арнис Ритупс: Я слышал такую басню, что философы как бы занимаются... или мыслят о бытии, или...

Анатолий Ахутин: Не так это...

Арнис Ритупс: Да, это неправильно, но я слышал такое высказывание. Я сейчас принимаю, что это может быть и так, что философы придумали для себя игрушку и сами ею играют, и мой вопрос: в чем ущербность такого внешнего взгляда на страстную мыслительную энергию...

Анатолий Ахутин: Ущербность этого взгляда, с точки зрения философии, на которую этот взгляд брошен, в том, в чем ущербность любого взгляда со стороны, постороннего. Философия не цирк, нельзя зазвать на представление. Твой вопрос либо исходит из философии, тогда его надо поставить точнее, либо так, вообще, тогда он не вопрос, потому что его слова не знают, что они значат. У философии нет слов из общего языка. Поэтому философы с самого начала бра-

нились с «людьми». Начать хотя бы с Гераклита. Какие инвективы против людей, не понимающих его... этот его Логос они ни хрена не понимают... Гераклит тут будет очень уместен, хорошо, что я его вспомнил... они не понимают, о чем я говорю, хотя они все, все люди, вот в чем все дело! все люди, пользуясь, играют в эту игрушку (бытия), не зная об этом. Дело в том, что в любом человеческом занятии, в самом что ни на есть практичном, прагматичном, трезвом, здравомысленном... каком уютно, работает вот эта вот игрушка, она работает! А философ на нее обращает внимание, вытаскивает наружу ее механику, этой игрушки: как это все делается? показывает, каким образом из этой игрушки созданы практически все человеческие игрушки, которыми играют люди, бросающие такие подозрительные взгляды на философию, и все пронизаны этой механикой, только не подозревают об этом...

Арнис Ритупс: Это очень такой пропагандистский шаг, который ты сейчас делаешь, или Гераклит, неважно ты или Гераклит, это для меня сейчас одно и то же... Вы мне говорите с Гераклитом: везде, во всех человеческих занятиях эта игрушка есть, и только вы с Гераклитом ее там видите, а все остальные дураки думают, что они чем-то другим занимаются, а на самом деле там вот это, и пока я не поверю вам, что так оно и есть...

Анатолий Ахутин: Не в вере дело, это ведь не религия...

Арнис Ритупс: Ну, хорошо... — пока я не пойму, что это так...

Анатолий Ахутин: Пока не увидишь, да... Ведь все наоборот: это мы все, люди, слова не можем сказать без всех этих «есть», «не есть», «было», «может быть», «понимаю», «верю», «на самом деле»... А можно остановиться и спросить себя: что это за «игрушки», что это я говорю, спросить и при удаче, как сороконожка, взвизывая на свои сорок ножек, которыми она бегаёт так же быстро, как мы, люди, говорим и бегаем, озадачиться: что это мы говорим и куда бежим? Не философы придумали игрушку бытия, а люди в этой «игрушке» живут, а кто интересуется, что это за «игрушку» мы придумали (да такую, что глотку перервем друг другу), тот вдруг и поймет, о чем это философия. Люди не дураки, им просто недосуг, а философия, по словам Платона, дитя досуга и свободы, праздное дело, чего там говорить... Вот Гераклит на многих примерах по-разному на разные лады показывает: отношение человека к собственной жизни и смерти, к бессмертию, таинствам и пр. автоматическое... Множество фрагментов Гераклита говорят о самых обыденных фактах человеческой жизни: что значит рождение ребенка, что такое

смерть на поле боя, что такое отношение человеческой жизни к смерти... Он обращает внимание на то, что непосредственно касается людей и не вещает им какие-то «мудрости», а... именно: обращает внимание. Вот о чем говорит философия. И то, что люди болтают... дело не в том, что они... мы дураки, а дело в том, что мы живем внутри мира, который нами владеет, не зная и не понимая того, что же нами владеет и как это нами владеет только потому, что мы не ведаем, что говорим, и говоря творим. И это еще полбеда. А беда вся в том, что власть эта неведомо чего и становится неодолимой, поскольку властвует через сообщество (все вроде все понимают), потому что отдельным человеком это владеет только как членом сообщества... Когда же неведомое владеет, то человек начинает существовать как животное, не в том смысле, что он падает до состояния животного (животное само по себе вполне благородное существо), нет, он может быть чрезвычайно тонкой и высокой культуры и так далее, но существовать по образу животного, то есть в замкнутом мире, в среде, так сказать, выключив, заткнув, забыв в себе некую возможность, которой зачем-то снабжен (как если бы птица забыла летать). Он сам для себя создал этот мир... Кстати сказать, вот тебе свидетельство бытия выдумки: человеческая цивилизация в отличие от животного мира создана самим человеком. Это мир, который он сам же для себя создаёт (начать с языка). Он создает «искусственные» вещи так, что они для него существуют как уже вне, как естественные и даже сверхъестественные. Я имею в виду по-настоящему существующие, а не в качестве «само-отчуждения» там и прочего «антропологизма»... Это создание, равное открытию, даже откровению. Просто человек не может ничего открыть, не создавая, не может никакого Бога обрести, не изобретая законы, традиции, религии и прочее то, что есть, а мы должны находить в всем этом себе место живущего в нем животного (животного в смысле живущего в нем, как в готовом мире). Так вот философ в этом смысле выясняет законы этого искусства создания мира человеком для себя, потому что он озадачен тем, о чем я уже говорил с самого начала, озадачен тем, что некоторые возможности человеческого бытия вообще могут никогда не реализоваться (я говорю не о действительном... — философия вообще говорит не о действительном, а о возможном)... Так вот, в человеческом бытии открывается такая возможность, которая предполагает, допускает существование, выходящее за пределы, которые замыкают человека в своем или нашем «интерсубъективном», «внешнем» и прочее, не важно. Важно, что раз и навсегда со всеми своими (опять же) насквозь знакомыми потусторонностями

мире, эти наши «интерсубъективности» определяют его мир, ставят пределы его миру. Ничего страшного, в этом можно существовать, хотя, как показывает история, пределы хотят охраны, а охрана вещь небезопасная, требует соответствующего почтения, служения и т.д., но тем не менее, хочется думать, что можно спокойно существовать. Например, если действительно верить басням (для меня, совершенного тут дилетанта), что восточный мир, положим, тысячелетиями существовал одинаковым образом, все в нем традиционно воспроизводилось, вот то устройство человеческого мира, против которого направлена философия, если говорить на языке «против» или «за». Вместе с открытием философии открываются еще две вещи человеческого существования, политика и история. Китайский мир (например! упаси Бог, может быть, там все иначе, а это элемент моей сказки), если он тысячелетиями существовал, воспроизводя один и тот же порядок, в нем не может быть никакой философии по определению такого существования... есть, конечно, что-то похожее, внешне похожее на философию, но это не философия; нету никакой политики вопреки тому, что политическая служба чуть ли не главная вообще во всем существовании китайской цивилизации; и подавно, разумеется, нет никакой истории, то есть открытости человеческого бытия в неизвестность: что будет завтра — я не знаю, это называется «историей» на моем языке.

Арнис Ритупс: Ну, вот такое твое описание, оно характеризует отношение философствующих или философии к этому определенному миру как разрушающее...

Анатолий Ахутин: Нет.

Арнис Ритупс: А как же?

Анатолий Ахутин: Вот из этого «а как же?!» вырастают обвинения вроде обвинения Сократа, за что Сократа, беднягу, и угробили. Первое обвинение ему: подрыв основ... — «упраздняет богов наших и развращает молодежь», потому что дает ей возможность тоже разные вопросы задавать, усомниться во всем этом. Так вот ответ на вопрос дает нам вся история Европы, история... Например, если бы такого разрушения, как ты выражаешься, или деконструкции, сказать современным словом, или подрыва основ эллинского мира не было, то вообще какое-нибудь христианство никогда бы не проснулось.

Арнис Ритупс: Что-что?

Анатолий Ахутин: Христианство где-нибудь и когда-нибудь не смогло бы проснуться!...

Арнис Ритупс: А при чем тут это? В какой связи ты вдруг о христианстве?

Анатолий Ахутин: Я говорю об истории. В той связи, что это не разрушение, а внимание

к тому, от чего замкнулся в себе мир, открытие пути, а не разрушение. Открытие пути к новому, иному. Не обязательно к новому в смысле «прогрессивному», но к иному как новому способу человеческого бытия в мире. Это значит, что человек, обладающий философией (в широком смысле я имею в виду не философа, а человека вообще, в котором это философское начинание пробуждается) совсем иначе понимает, переживает сам факт человеческого бытия. Для него человеческое бытие это бытие сомнительное, ищущее само себя, не данное бытие. Оно определяется возможным будущим, а не воспроизводимым прошлым. Быть по-настоящему в этой собственно человеческой возможности значит быть во внимании... к несуществующему и все же уже пронизывающему вещи. Тут тоже животные могут подать пример: они, например, чувствуют беду задолго до человека. Это значит, человек не может находиться в том, что называется «довольство», сказать: «довольно, все». Предположим, это «довольно» есть результат очень большого труда, очень героических усилий, есть такая вещь, когда мы говорим: «Остановись, мгновенье, все в порядке!», мы довольны. Я вспоминаю, когда сейчас говорю, некоторые гераклитовские фрагменты...

Арнис Ритупс: Ты говоришь с таким пафосом, как будто искать лучше, чем найти, быть довольным лучше, чем быть довольным...

Анатолий Ахутин: Такое уж изобрелось существо. Дело не в том, что «вперед-и-вперед» или «не-то-и-не-то», дело в этом «в себе», присутствии каждой вещи, даже собственному слову. Дело в «в себе», которое человеку не нужно в его повседневных нуждах (потребностях), но порою возникает подозрение, что только это-то ему и нужно, тогда он начинает не говорить словами, а вслушиваться в них, что они говорят между собой (поэт), или как краски «выясняют отношения между собой» (художник), или как ведут себя вещи в отсутствии человека, пока о них размышляет один Бог. Это все разные филии. Потому что философ это истинный любовник, как Дон Жуан. Когда же человек полагает, что что-то найдено, наконец, это и есть главная опасность для него, потому что...

Арнис Ритупс: С какой точки зрения это опасность?

Анатолий Ахутин: С точки зрения того, что может быть еще и другое...

Арнис Ритупс: Зачем это другое нужно?

Анатолий Ахутин: Да вроде бы не нужно... Вот тут русский человек Канту совершенно правильно отвечает: никому это не нужно, более того, скучновато, трудновато, да и страшновато. Но не все благополучное тем самым лучше, и каждый человек это прекрасно знает на себе.

Лучшее скрывается за опасным, за трудным. Я ведь тебе это все говорю исходя из философии как возможности, еще раз подчеркиваю — возможности человеческой, которую никто тебя не заставляет использовать. И уж тем более никому не дозволено тащить туда или даже заманивать. Монах, полный Бога, уходит в пустынь, монах, оставленный Богом, разводит костры на площадях. Речь не о сартровских экспериментах со свободой, а о готовности, об открытых ушах и глазах, о внимании...

Арнис Ритупс: Чем она хороша?

Анатолий Ахутин: Возможность?

Арнис Ритупс: Ну, много есть возможностей...

Анатолий Ахутин: Совершенно верно.

Арнис Ритупс: Так чем эта возможность хороша?

Анатолий Ахутин: Это открытие будущего, лучше сказать, открытость будущему, попросту говоря. Человек призван (коль скоро уж он вообще вызван к существованию) к испытанию бытия, а не просто к проживанию-выживанию. Ему предоставлена такая возможность быть, так сказать, в курсе божественных дел («его позвали всеблагие, как собеседника на пир»), более того, соучаствовать в них. Никто не вынуждает этой возможностью пользоваться. Не хочешь, не надо. Основной вопрос философии не «как хорошо прожить?», а «что вообще происходит?» Эти и захватывает. Философия тут вокруг и бродит.

Арнис Ритупс: Для чего?

Анатолий Ахутин: Для бытия человеком, для ощущения себя человеком...

Арнис Ритупс: Для ощущения?

Анатолий Ахутин: Для переживания себя человеком...

Арнис Ритупс: А что это за святая корова такая «переживание себя человеком»?

Анатолий Ахутин: Я тебе еще раз говорю: я не проповедник этого дела...

Арнис Ритупс: А говоришь как проповедник...

Анатолий Ахутин: Это уже дефект темперамента или характера...

Арнис Ритупс: Или моего восприятия...

Анатолий Ахутин: Нет-нет, меня все в этом обвиняют, это дефект темперамента. Но тут нечего проповедовать. Я тебе говорю, вон там на халяву дают выпить, пойдём, а ты спрашиваешь: что это за святая корова такая «пить на халяву». Да никто не тащит, не хочешь, не надо. Или серьезнее: я бы сказал тебе где-нибудь в 1990 г.: можешь себе представить, мне теперь можно съездить за границу, а ты: а зачем? Я: ну мир посмотреть, себя человеком почувствовать, а не хомяком на цепи. А ты со своей святой коровой... У тебя

есть возможность быть материальным телом, это возможность реализуется, когда ты падаешь из окна... Конечно, безобразная возможность и лучше ею не пользоваться, но эта возможность есть. Значит, вопрос формальный: если ты реализуешь эту возможность (быть просто телом), где мы будем тебя наблюдать как реализующего эту возможность, когда ты толкаешься, когда ты падаешь, когда ты взвешиваешься и так далее. Если бы я стал проповедником этой возможности, было бы смешно. Так вот я и говорю: есть такая возможность. Нужна она кому-нибудь, не нужна? — не знаю. Есть люди, просто фактически, которым она вроде бы нужна. Европа, европейская культура показывает нам, что такой вот способ самосознания человека и запечатления им самим себя ценился тут довольно высоко. «Чья жизнь в стремленьях вся прошла, Того спасти мы можем». Помните, конец «Фауста». Этот мотив сквозь всю историю Европу идет. Потому Европа и есть место, где человечество, так сказать, попадает в историю. Совсем я не собираюсь быть ее проповедником. Можно и всю жизнь прожить «Против неба на земле...» Я говорю: если такая возможность есть, то что с нею связано? Философия присутствует только в этой возможности. Точнее даже так: это обратимые вещи: она и присутствует в этой интенции, в этом стремлении, философская филия, она также филия к этой возможности; и наоборот: эта философия ее и культивирует, хотя она может оказаться и чем-то прямо обратным, метафизикой, закрывающей историю. Философия, строясь как всякие учения, системы, “измы”, действительно всю европейскую историю стремилась все закончить, завершить, поставить росчерк, и все — мы метафизически себя обосновали, а дальше будем жить. Но она же это и разрушала постоянно!..

Арнис Ритупс: Ну, хорошо... Давай я с тобой буду говорить как с тем, который эту возможность пытается в себе как-то реализовать... это будет правдой?

Анатолий Ахутин: Какой я философ, я даже не химик, каковым по образованию должен был бы стать.

Арнис Ритупс: А как вот то, что ты стараешься реализовать эту возможность, влияет на твою, извини за грубое выражения, повседневную жизнь? Как меняет?

Анатолий Ахутин: Во-первых, как можно уже увидеть из того, что я сказал, она, эта возможность, если брать ее не как предмет занятий, а просто как некий фактор внутренней жизни, она позволяет мне или есть отправление моей страсти выглядывать наружу... — так вот можно условно назвать «выглядывать наружу». То есть

выглядывать за край света, как в сказке, заглядывать за край света.

Арнис Ритупс: Как Иванушка-дурачок?

Анатолий Ахутин: Именно, Иванушка-дурачок... Я с удовольствием принял бы этот образ, но я что-то не знаю сказок, где бы он заглядывал за край света. Но тем не менее эта средневековая картинка человека, заглядывающего за край света (помнишь, есть такая картинка?), вот это и есть в моем представлении философ.

Арнис Ритупс: Который выглядывает... Но ты помнишь у Зильбермана этот рассказ, что он все думал о том, что если он дойдет до границы мира и выставит туда воробья, то что с ним там будет?

Анатолий Ахутин: Увы, не помню. «Что с ним там будет?» Интересно, что туда ничего выставить нельзя, но глаза туда открыть можно, или уши наострить... И только это мне и интересно. Поэтому мне интересна философия, в философии я и нахожу этот открытый глаз туда: что там такое, похожее на ничто? Похоже на то, что в физике называется вакуумом: вроде ничто, но каждая его точка содержит все, все возможное, а не только то, что случилось... То, в чем мы живем, это то, что случилось, а мне интересно все возможное, а не то, что случилось и схватилось, так сказать, как цемент...

Арнис Ритупс: Я понимаю, что ты не оракул, но скажи, в чем ты видишь смысл жизни?

Анатолий Ахутин: Вот в этом самом... лично для себя. Во-первых, этот ответ... смысл жизни точно так же как смерть или даже отправление простых естественных потребностей из таких вещей, которые человек может сделать только сам, никто ни умереть, ни пописать за меня не может. Так же точно никто не может за другого (тем более за всех) придумать смысл жизни; значит, я говорю про себя лично. Я вот очень благодарен... Господу, природе и маме с папой... и еще неизвестно, кому... за то, что для меня засветился смысл жизни (а ведь это совсем-совсем не обязательно происходит) в том, что я называю философией.

Арнис Ритупс: Веришь ли ты в Бога?

Анатолий Ахутин: Некорректный вопрос, и вот в каком смысле: заранее предполагается, что ответ на него невозможен, если только ответ более или менее... ответственный. Потому что немедленно возникает контрвопрос: что значит «верю», что значит «Бога», и так далее. Я отвечаю на этот вопрос только таким образом: это вопрос предельной интимности, внутреннего человека, чтобы тебе напомнить о том, что я имею в виду. Причем опять-таки, чтобы не создавались картинки псевдовещественные или псевдопсихологические, это вполне согласуется, насколько я

знаю, с богословскими тезисами: вера, неверие и все, что мы имеем в виду, когда говорим «вера», «Бог» (хотя, повторю: что мы при этом имеем в виду, совсем не ясно) происходит во «внутреннем человеке». В нем может или не может возникнуть Бог, умереть, превратиться черт знает во что и так далее. Внутренний человек, он рождается точно там, где рождается Бог. Это Мейстер Экхарт, ближайший, на кого я могу сослаться, и Августин и так далее. Это взаимное рождение, и то, что Бог рождается, я думаю, для богослова совсем не удивительно. Между философией и богословием есть граница, которая не только разделяет, но и соприкасает, только ее надо точно провести. И эти точки соприкосновения идут по одной традиционной линии, которую можно назвать апофатическим богословием. Мистическое богословие и, в частности, та тема, тот мотив, который я здесь напомнил: рождение Бога. Это, как ты понимаешь, опять-таки тема начала. То есть Бог не может быть понят, понят в глубоком религиозном смысле иначе, чем в точке рождения в тебе самом, не там, где ты существуешь, в церкви и так далее, а там, где Он рождается в тебе вместе с самим тобой. Это сугубо философская ситуация. Почему? потому что рождается не нечто определенное, так-то описуемое, обладающее какими-то характеристиками, а всевозможность, по отношению к которой уже имеющийся Бог есть только одна из возможностей, и потому Экхарт говорит, что Бог рождается и проходит... — *wird und endwird...* я не знаю, как это хорошо передать.

Арнис Ритупс: А скажи, вот это маленький внутренний человек, гомункулус, как он связан с тем, с которым я сейчас говорю?

Анатолий Ахутин: Ну, я сказал, это сфера моей интимной жизни... у меня есть помимо религиозной интимности еще и всякие другие интимности...они же никуда не деваются, когда я сижу перед тобой, они сказываются как все, что во мне есть, сказывается наружу... или я не понимаю твоего вопроса. Так оно и сказывается, так, как я живу, ровно в ту меру, в какой у меня есть, серьезно или не серьезно, развратно или наоборот целомудренно моя интимная жизнь, она вся наружу, абсолютно вся наружу. Это и есть, опять-таки, форма непонимания, что человек может что-то скрыть. Предположение, что человек что-то скрывает в себе, говорит не о человеке, а о том, кто смотрит и наблюдает...и думает, что он что-то видит, что-то проникает, что-то подглядывает, а многое также от него скрывают. При внимании, при умении видеть, а не подозревать, ничего скрытого нету... Вот вчера мы с Володей Бибихиным шли, Лосева вспоминали... У Лосева есть очень хорошая фраза, он человек, как вы зна-

ете, с особой чувствительности к мифу, он сказал: «я боюсь иной раз взглянуть на лицо проходящего человека (и подчеркнул «проходящего», не того, с кем он, там... водку пьет, а «проходящего человека»), я боюсь иногда взглянуть на него, так предельно ясно его трагическая судьба написана у него на лице». Значит, надо просто уметь видеть. А подглядывать (как норовят психологи) и подозревать надежный способ ничего не увидеть. Поэтому самые тупые «политики», люди как бы с эмалированными глазами, зрачки сведены в точку, брови в ту же точку, те, кто мыслит заговорами, чем всемирней, тем тупее. Вот если бы я умел видеть, никаких тайн интимных у тебя бы от меня не было, у тебя все на лице написано, надо только читать уметь. Это можно объяснить только метафорически. Вот классические описания разговоров духовных отцов у нас, в русской традиции, старцев... — они как бы видят всё насквозь, сразу (так и Достоевский своих героев писал), не потому, что умеют вычислять твои секреты, а потому, что ты для них ясен: твои движения, жесты, разговоры... — Фрейдисты, психоаналитики все на этом построили, на том, что это тайное, интимное присутствует явно, надо только уметь его увидеть в твоем разговоре, то есть важно только одно, чтобы только действовал, жил как человек... не откровенничал, не об этом речь идет, а просто ходил бы, двигал руками, смеялся, говорил... — достаточно, все. Но багаж у фрейдистов не тот, слишком простую схему заранее взяли в качестве того, что должны увидеть. Зоркий, внимательный в этом отношении человек всю эту интимную жизнь усмотрит. Вот так и я, весь наружу. Иногда бывало, какие-то люди, особо чуткие дают мне невольно понять, что видят такое, что бы очень не хотел... — Вот что я хочу сейчас сказать. Я надеюсь, в вашем интервью вы все это выкините, но можете и оставить, если хотите. Смотрел вчера вечером американское кино, это в сущности пьеса, одни разговоры. И вот один из героев говорит: если ты хочешь знать свою подноготную, то есть каков ты тот, которого тебе бы очень не хотелось знать, взгляни в глаза своей жены, ты отражается в них. Это очень точная фраза...

Арнис Ритупс: Насчет жены?

Анатолий Ахутин: Именно. В глазах твоей жены ты тот самый, которого ты бы очень не хотел вообще знать сам и знать с ним. Почему? Потому что эта женщина все это-то и видит и принимает всё это, не добра же молодца с серыми глазами она берет на себя, а измерив тебя до этого самого безобразия. Иногда только может она воспользоваться этим знанием и под горячую руку шваркнуть тебя об это. А так все это принимает, и поэтому ты у нее там сидишь, в зрачках и глазах. И там он пишет: «Когда уви-

дишь, запришь в какой-нибудь комнате, потому что дня два рвать будет!»!

Арнис Ритупс: Слушай, а как ты, как человек... ну, не знаю как кто-то, интересующийся философией, относишься к своей смерти?

Анатолий Ахутин: Тут надо отвечать, во-первых, как и на предыдущий вопрос... — как я отношусь как человек, занимающийся философией, и как философ относится к смерти. Это разные вещи, потому что я действительно серьезно, без всякого ложного скромничанья говорю, что я только занимаюсь философией и интересуюсь ею, а философ вряд ли. Среди всех прочих занятий она занимает меня ещё помимо всего прочего тем, что ничего другого я не умею просто-напросто, так жизнь сложилась и этого, конечно, не умею, но... куда деваться? Вот, например, мой учитель, Владимир Соломонович Библиер, философ, действительно крупного масштаба, как я считаю. Я делаю выводы не только из книжек, но из того, как он читал философские тексты вслух, и как они открывались так, что хоть ты три раза прочёл, а этого шага не заметил... Философ! и при этом экзистенциальный философ. И вот я имел такую... трагическую возможность жить довольно тесно с ним в последние годы его жизни и жизни его с женой, которая лежала в параличе... А отношения со смертью прямо вот тут, и это был опыт чрезвычайно... ничего другого, как «трагический» или «драматический» не скажешь.

Уддис Тиронс: А в чем трагический?

Анатолий Ахутин: Сейчас я скажу... Взаимоотношения со смертью могут быть определены философски, не в смысле теории этого, а в смысле, что могут быть философские отношения человека во мне со смертью. Это не то, что, скажем, великий ученый относится к смерти совсем иначе, чем к своей науке. Философия имеет это отношение, но как правило мысль о смерти, даже экзистенциально продуманная, для нас для всех отговорка. А когда она сама как-то тут, актуально входит в сознание, то отношения тут другие. Тут ты сам встречаешься со своим внутренним человеком, а он бывает чужее чужих. Философия, конечно, из тех работ, которые требуют явного знакомства с ним при жизни, собственно философской энергии может и не хватить для того, чтобы выстроить эти отношения. Работают какие-то другие личностные энергии. У Владимира Соломоновича это соединилось вот в каком плане: он сумел взглянуть в глаза смерти, сумел это сделать. И от этого вида он... — как от взора Вия, знаете у Гоголя этот взгляд, он его парализовал. Не просто и не столько от страха, сколько от недоумения... От сознательного непонимания, как

мы можем говорить: «ну, я тебя не понимаю!»... не в том смысле, что не понимаю, а и понимать не желаю! Не согласен, глупость какая-то. Не страх, не депрессия, а какое-то непостижимое постижение, сказавшееся только в отказе. Вся его философия как бы разделилась на то, что энергично, плодотворно жило всю жизнь в его мощном мозгу, втягивало в свой вихрь других, откладывалось в книги, и на мертвую точку отказа. Продолжать работать, как будто ничего не случилось, невозможно, потому что именно случилось, а то, что случилось, неприемлемо. Долгое общение со смертью не привело к тому, чтобы ее каким-то образом переварить, каким-то образом с ней смириться. А произошло резкое отталкивание от этой возможности человеческого бытия, вообще нечего мне делать с этой смертью! А поскольку она стояла вот тут, рядышком, то и нечего делать в жизни. И вот эта трагическая ситуация, то есть никакая не работа, там... условно говоря, религиозного или ещё какого-то понимающе-принимательного свойства не идёт, потому что нечего мне делать с этой сволочью, нечего делать мне с ней! и понимать ее не желаю! И вместе с тем уже ничего делать тоже не могу. Еще собирались и семинары проводили, но все это было уже... сила воли, а не тяга. Думаю, что в этом сознательном, сильном (человек храбрый был) нежелании понимать, то есть принимать смерть, очень глубокая философия, что-то очень верное в отношении человека к смерти. Память (пусть и вечная), дело живет, жизнь продолжается, все это жалкие отговорки, жалкость которых в этом случае особенно видна, потому что смерть это такое “в себе”, от которого разными солипсизмами и софизмами не отделаешься. Платон напрасно считал философию упражнением в смерти. В смерти упражняться не надо, а он думал о загробных беседах освободившегося ума. Смерть есть парадокс, что принимать, признавать, понимать ее не должно, но и надеяться на ее преодоление научное или чудесное нельзя. По философским соображениям.

Арнис Ритупс: Ну хорошо, это его трагический случай, но мой вопрос был...

Анатолий Ахутин: Да, да, — ко мне... Я тебе ответу банально, ничего интересного не будет. Философии моей хватает ровно настолько, чтобы ничего не выдумывать, то есть не утешать себя тем, что *Man stirbt*, ни надеяться (или ужасаться, а я то скорее склонен в этом случае ужасаться не ада, а, как Кумская сивилла, утомительной вечности) на что-то там “потом”. Каждый человек пробный, сотрется. А что опробывают, не знаю. Я не могу выдумать ничего посмертного, я не могу и знать, что как лампочку выключат, и все... Что, вообще говоря, было бы самым луч-

шим... как лампочку выключат, и все, как ничего не было. Это для меня вещь, с которой я не знаю, что делать... лично мне, если вас интересуют интимные подробности, как ты мне своими последними вопросами даешь знать... мне наплевать, я готов отвечать на любые вопросы, и отвечаю... я не знаю, что с ней делать.

Арнис Ритупс: А ты готовишься к ней?

Анатолий Ахутин: Ну... что значит «готовишься»? вот я собираюсь там написать завещание, потому что у меня будет проблема — книги надо кому-то передать, потому что я не хочу, чтобы они были просто разбазарены, библиотека всё-таки собиралась связно, цельно, есть позиции какие-то, потом просто комплекс скупого рыцаря: я каждую знаю, вот эту я украл там-то, эту мне подарил тот-то... то есть не хочется её расклевывать и рассыпать, а хочется передать, и я хочу завещание написать...

Арнис Ритупс: Не написал еще?

Анатолий Ахутин: Нет пока еще, как водится... А вот это собственно столкновение с ней... это большая и пугающая, конечно, загадка... и я не знаю, что с ней делать, честно говоря... я не знаю.

Уддис Тиронс: А ты отказываешься тогда комментировать известное место в *Федоне*?

Анатолий Ахутин: Что-что?...

Арнис Ритупс: В *Федоне*...

Уддис Тиронс: В *Федоне* место известное...

Анатолий Ахутин: Нет, почему же я отказываюсь...

Уддис Тиронс: Что единственное, чем занимается философ, это и есть смерть и умирание...

Анатолий Ахутин: Нет, я не отказываюсь это комментировать, уже его упоминал...

Уддис Тиронс: Но здесь ты не философ...

Анатолий Ахутин: Да, даже крупные философы далеко не всегда справлялись именно со смертью, я с тобой согласен совершенно. А уж я и подавно. Только здесь, на мой взгляд, Платон немножко... — играет, играет... — Вот первый комментарий к этому месту. ... Философия не занимается смертью (поправить надо Платона), она занимается границей между жизнью и смертью. Она занимается такими вещами, что выводит человека из жизни, как вот мы в начале говорили, выводит его из захваченности жизнью, но никак не вводит в него смерть и его в смерть. Я напомним, что Сократ говорит: я не знаю, что будет после смерти, чего же ее бояться. А предположить можно, что (1) как лампочку выключат, или (2) я найду там моих собеседников! То есть какая тут смерть? Тут продолжение жизни, и при этом только той, какая Сократу нравится! жизни мысли. Платонова «смерть», в которой упражняется философия, это смерть всего, что ме-

шает чистому мышлению, ибо философия есть дело чистого, отвлеченного мышления. Жизнь такому мышлению мешает. То Ксантиппа помями оболъет, то воевать надо. Философия-де учит ото всего этого отвлекаться. Вот собственно и все. Во всех отношениях спорно и к смерти, о которой мы говорили, отношение имеет весьма отдаленное. Потому что отвлеченное мышление не только бессмысленно без этой самой жизни, но и есть одна из высших ее, жизни, энергий. Смерть же расположена с другой, так сказать, стороны. Вот что значит «философия занимается смертью». Она переводит человеческое существо в существование мысли, а мысль она бессмертна. И фактически так оно и происходит, то есть вот читаем Платона, а Платон давным-давно умер, а мысли-то, мысли... Пока я мыслю, пока в подлунном мире жив будет хоть один философ, мысль будет жить, и Платон согласился бы с этим. Но для нас, прошедших искус христианства и XX века, это далеко не достаточный ответ. И когда я говорю о том, что не справляемся мы со смертью, как правило, то я имею в виду совсем другое: вот смерть ввести в качестве нее самой, ее абсолютном «в себе» (смерть хорошо поясняет, что значит «в себе», о котором мы говорили вначале), а не просто то, что мы в мыслях бессмертны... — ну да, конечно, кто ж спорит, а тут что-то другое.

Ты знаешь, то, что я сейчас говорю, это не философия, это кружение вокруг, а не она сама, до неё ещё топтать и топтать... И большущая беда философии состоит в том, что она имеет настолько общезначимое содержание, что (это еще Платон говорил) каждому кажется, что он что-то кумекает.

Арнис Ритупс: Что делает?

Анатолий Ахутин: Кумекает... соображает. Это большущая ее беда, потому что она только тогда получает смысл, когда у нее имеется не менее сложная техника мысли, чем, например, техника музыки. И различие между высшим профессионализмом и техничностью музыки, с одной стороны, и восприятием ее, как говорят, эмоциональным, т. е. кто как может, это различие полностью аналогично тому, что происходит в философии. Как она работает в текстах, которые ты только что купил, у Канта, Гегеля и так далее, это одно, а как она воспринимается в смысле вопросов, которые ты задаёшь о смысле жизни, о переживании смерти и так далее, это вот как мы слышим музыку из зрительного зала. Смерть касается всех, но чтобы коснуться ее собственным существом и по существу, а не болтать неведомо о чем (равно как о Боге, бытии... обо всем, что ты спрашивал), нужна сложная, строгая техника понимающей мысли и мыслящего внимания. Почему мы думаем, что смерть как

то, что входит в существо нашей жизни (жизни, хотя и насквозь нашей, но неведомой нам не менее, чем смерть или Бог), а не только то, что мимоходом обрывает наши тут занятия, раз и дело с концом, почему мы думаем, что смерть вещь менее сложная, чем какая-нибудь молекула, рассмотреть которую мы можем только в электронный микроскоп? Может, и тут нужен прибор такой сложности. ...На твои вопросы следовало бы отвечать вопросом же: что ты имеешь в виду? О чем ты спрашиваешь? Положим ты бы меня спросил: как ты относишься к поведению пи-мезона в двойной контракции с SU-5 симметрией? Ответом были бы только мои вытаращенные глаза. А когда ты спрашиваешь: верю ли я в Бога, видите ли, всем все должно быть сразу понятно. Никаких платоновских идей нет помимо того электронного микроскопа, каковым являются трактаты Платона (плюс еще его «ненаписанное учение», которое надо еще реконструировать, плюс еще комментарии неоплатоников, еще... вся двух с половиной тысячелетняя история). Вот мы с Улдисом сейчас это место из Федона обсудили... Если эти слова брать в отрыве, они звучат житейски заманчиво, если в контексте сократовской беседы, совсем иначе. Например, Лев Шестов наш на эти слова постоянно ссылается, но совсем другой смысл вкладывает, в его философии они значат совсем другое. Так вот значат значимые слова только в значимых текстах, и наполнены их значения всем корпусом текстов, а не «в чем смысл жизни, сукин сын!». Стоит обратить внимание на то, что, собственно, Платон имел в виду. Шестов говорит: — «Вот философия видите, чем занимается? смертью, а вы талдычите “логика”, доказательства, причина-следствие, вечные истины...». Тогда как смерть для него имеет совсем другой смысл. А посмотреть, как к этому подходит Платон, так для него и смерть освобождение к тому, чтобы можно было умозаключать без помех. Смерть Сократа и для Сократа это совсем не то, что смерть Ивана Ильича...

Арнис Ритупс: А скажи, смерть Сократа имеет какой-нибудь философский смысл? именно философский, а не исторический?

Анатолий Ахутин: Героизация философии, не в смысле возведения на пьедестал, а в смысле что такое философ как герой... трагедии. Сократ это герой философской трагедии, философии как трагедии. Вот так имеет философский смысл, но не содержательно философский, а вот... что такое философ как герой человеческой трагедии.

Арнис Ритупс: Вот этого я не понял: «герой человеческой трагедии»...

Анатолий Ахутин: Ну что такое философ? человек, который посвятил себя философии, и

не просто посвятил как занятию какому-то, а так, как Сократ. Он почему-то видел в этом занятии, в этом искусстве отвлеченной мысли не больше не меньше как воинский долг и служение богу. То есть предельная человеческая ответственность, вот что такое философия для Сократа, и в этом качестве, как носитель и свидетель этого, он и выступил как герой, героически погиб, так, как гибнут только в трагедиях. Я когда со студентами *Апологию* разбираю, то сразу же говорю: пожалуйста, не рассматривайте это как смерть замечательного праведника от рук всяких злодеев, а попробуйте этот суд ввести внутрь самого Сократа, как если бы он сам себя осудил. А некоторым образом так оно и есть: он настолько провокационно себя ведет на суде, что некоторые даже говорили, что это была форма самоубийства... Так вот оппонент, осуждающий человека на смерть, и тот, кто эту смерть принимает, оба одинаково серьезны, оба одинаково значимы, и поэтому это трагические герои... Человеческая трагедия это само-оспаривание человека, само-противоборство, о злодеях надо забыть. Как Эдип глаза себе выкалывает, так и здесь Сократ сам себя убивает. Это философ, то есть тот человек, который предан философии, как Сократ, герой человеческой трагедии, потому что философ понимает, кроме всего прочего, что жизнь человеческая по природе своей, по сути своей трагическое самопротивоборство. Не потому, что с ним случаются всякие несчастные случаи, не потому, что преступление наказывается, не потому что грешник там или безобразник, а веди-де себя правильно и никаких трагедий, а потому что бытие человека как таковое внутри себя трагедия.

Арнис Ритупс: Что это значит?

Анатолий Ахутин: ...Человек находится (находит себя) в отношении (от-несение от себя и отношение к себе) к самому себе: как Эдип: убийца убеганием от убийства, преследователь самого себя, судья самого себя... Главное, что нам трагедия открывает, «амехания», остановка в пути, трагическое недоумение, открывающееся в средоточии человека, остановка не просто в раздумии, что только часть дела, а остановка самого человеческого бытия в недоумении перед самим собой.

Улдис Тиронс: Скажи, как тебе кажется, может ли это событие изменить человеческую жизнь? То есть того человека, который этим занимается...

Анатолий Ахутин: Я бы сказал так, что если философия не коренится в недоумении такого рода и если она не связана с изменением жизни, то ничего не получится.

Улдис Тиронс: Но как она ее меняет?

Анатолий Ахутин: По-разному... Я уж не

буду брать такую совершенно внешнюю сторону, когда философия получает социальный статус, где спокойно можно заниматься философией как я вот преподаю, деньги зарабатываю, пью водку на досуге и так далее. Где дело идет всерьёз, она вступает в конфликты даже там, где ей все предоставляется. Буквальный пример: конфликт Гуссерля с его геттингенскими коллегами профессорами, которые все время его выпихивали, и даже когда он уже прославился, уже где-то была его школа (в Мюнхене? не помню, где), они его всё равно не принимали. Знаете, что он получил должность ординарного профессора по требованию министерства, против желания его коллег? Это конфликт философа и философской профессуры. Один из примеров, таких примеров навалом, конечно.

Затем, философ существо, по сути обреченное на одиночество, поскольку он как Лев Толстой все начинает сначала, как будто никто ничего до него не понял. Это не гордыня, это условие философской задачи. Мысль только тогда философская, когда она сначала добирается до этого «никто ничего», когда она первая. Философия есть мысль априори. И только если философы это понимают, а это очень редко, что так и должно быть, что они либо априорно, изначально и персонально (это значит «авторски») различные философы, либо вообще не философы, только тогда намечается место существования настоящей философии. Если это необходимое условие возможности философии понимают и принимают, тогда философы могут разговаривать друг с другом. Есть о чем. Их общее незнание — это загадка, лежащая в корнях вещей, их радикальное «в себе». Если же нет, то, как показывает вся практика, в упор друг друга не видят и в принципе не могут понять. Почему? Потому что как раз принципы, начала разные.

Арнис Ритупс: А вот это я не понял...

Анатолий Ахутин: Все существование человека, личное, субъективное человеческое существование повсюду пропущено через игольное ушко начинания всего на свете, всего начинания. Человек нигде не может быть просто наследником чего-то, продолжателем чего-то. В любой сфере, не только в философии. Если эта философия затронула его существо, то... Я не случайно упомянул Льва Толстого. Он не философ, могу даже согласиться, что и мыслитель оригинальный, но не очень глубокий, но по отношению ко всему, чего он касался, что его затрагивало: дом, брак, свиноводство, школа, наука, писательство, религия, вел себя как философ. Евангелие существовало 2000 лет почти, все вдоль и поперек оттрактано, откомментировано, отцитировано, отдогматизировано, систематизировано бого-

словием все! а он по-Лютеровски говорит: «Нет, ребята, я сейчас с самого начала перечитаю». Начинает в шестьдесят лет учить греческий язык, не боится того, что скажут: кто ты такой, чтобы против этой огромной толпы тысячелетий начинать заново все читать и говорить, что за дьявольская гордыня, что за плоский рационализм: «Нет, вы не понимали до сих пор, что это такое! Слушайте, я вам сейчас объясню!» Это смешная, это клоунская позиция! Я абсолютно убеждён, что сатировский образ Сократа, то есть клоуна, это у Платона все продумано, и трагический его же облик, это две стороны одной и той же медали. И философ всегда это и клоун, над которым смеются девушки, когда он падает в лужу или в колодезь, и трагическое лицо, как Сократ. Так вот Толстой не боялся выглядеть шутком гороховым... Единственное окаянство философа состоит в том, что для него все человеческие дела, какие бы там традиции и громады культуры за ними ни стояли, это то, что касается лично его в самом начале, там, где все всегда уже произошло, в априори. А чего потом гоняться за последствиями?.. Если философ не может впервые породить, что от века существует, он может сказать: «Не получилось!». Тогда будет иметься материал, чтобы подумать, что и почему, и не имеет ли само это “не получилось” философский смысл, т. е. не входит ли это в условие изначально мышления.

Но сам замысел, что все надо заново, такая суперреволюционность входит в само существо философии. Из этого не следует, что философия провокатор революции. Она ведь есть оборот человека к себе, направленность на себя. Не с окружающим безобразничать, а с собой (своим словом, своей мыслью) разобраться как с экземпляром общечеловеческого бытия может, и даже не может, а должен тот, кого затрагивает философия. Вот это и есть внутренний человек философии, то есть это полностью и изначально все в себе начинающий человек. Даже язык, эта любовь к этимологизированию, изобретению неологизмов (которыми потом весь мир разговаривает), кратиловские, хайдеггеровские фокусы с языком, это тоже стремление к изначальности, к корням чтобы заново их породить! «Ах, вы думали, что слово «алетейя» филологи давно перевели, опять-таки тысячу лет переводили, и все знали, что это «истина», *veritas*, *Wahrheit*.., а я вам сейчас расскажу, что на самом деле это значит». И он (Хайдеггер) сам понимает вызывающее свое поведение. Когда на него напали филологи с таким возражением: «да, может быть, этимология что-то такое говорит, что-то такое там сокрыто, но греки в VI веке уже использовали это слово так, что этот этимон был стерт, его никто не слышал! А что оно значило, мы должны понять

из контекста, ну по Витгенштейну, как оно употреблялось: вот так! никаких там не-сокрытостей, господин Хайдеггер». А он отвечает: «Я вообще не про то говорю, как оно там употреблялось, я говорю как его заново можно начать, какое начало в нем таится, которое позволяет мне открыть вот эту начинающийся от нуля, от ничего рождающийся смысл истины. Как раз и удивительно и значимо, что греки, сказав так об истине, не вслушались, не вдумались в то, что сами сказали. Но главное даже не в этом, главное в том, что роясь в этих корнях, мы подходим к событию первоименования, которое никуда не делось и живет в каждом произносимом слове, наглухо, правда, закрытое тем, что мы называем «значениями» и «употреблениями». Сам Хайдеггер, конечно, во многом был под обаянием того, что это как бы не он начинает, а оно само по себе исходное начало. Следующий шаг философа, который мы наблюдаем (очень редко, разумеется), состоит в том, что замечается и прослеживается, что начало, та абсолютная изначальность, которую я сумел открыть, открыта вот таким-то путем. «Я» тут не в смысле человека, а в смысле моего пути к этому началу, и оно мне открылось таким вот образом.

Улдис Тиронс: Я только хотел откомментировать... — я могу поставить цель, ну... — стать добрее...

Анатолий Ахутин: Улдис, философ задается вопросом не как стать добрее, а что такое добро и задается этим вопросом изначальное, не отыскивая в имеющихся учениях о добре то, что ему кажется правильным, а порождая этот феномен. Вот я сказал «феномен», это буквально относится к феноменологии, это узрение этой сущности, способ породить ее впервые, ответить на вопрос: как возможно нечто такое, как «добро». Чем отличается «как возможно» феноменолога от «как возможно» Канта на внешний вид? Тем, что феноменолог, в отличие от Канта, связывает аналитику возможностей с возможностями сознания, лучше даже сказать по-хайдеггеровски: с бытийными возможностями человека. Априорная возможность, так сказать, доказывается на опыте: есть то, чему ты впервые даешь бытие. Если ты понимаешь добро изначальное (априорно и т.д., как положено философу), а не берешь напрокат в каком-нибудь учении, в религии или просто из обихода, если ты его порождаешь так, что оно может стать после этого «нормой всеобщего законодательства», то есть все скажут: смотрите, как поступил Улдис, вот, оказывается, что такое настоящее добро. Как сказано было однажды: «Се (вот) человек!», как будто до Христа никто не понимал, что такое человек. И добро впервые появится во всей своей возможности, мощности, даже можно сказать, но так, как ты

его открыл, каким ему дал быть. Если же нет, работает всеобщее правило: напился, веди себя прилично! Этика, как и все значимое вообще, живет настолько, насколько удастся ее ежесекундно открывать (сиюминутная нравственная проблема абсолютно то же самое, как и вполне, казалось бы, теоретический вопрос о происхождении нравственности вообще. Человеческое никогда не происходит однажды и навсегда, никаких «завоеваний» цивилизации не существует, люди могут встать на четвереньки в любой момент, а когда человек встает на четвереньки, все хищники должны спасаться бегством).

Арнис Ритупс: Но я не понял одно умозаключение, которое ты сделал... — ты сказал: философ одинок, потому что он занимается началом.

Анатолий Ахутин: Изначален, стало быть...

Арнис Ритупс: Почему одинок?

Анатолий Ахутин: Потому что его собственная жизнь, его начало в нем самом. Он как монада, больше ни с кем не соприкасается, он изначален... не вообще, а в этой мысли, в этой изначальности. Тут возникает конфликт: как сосредоточенные в точке начала все философы одно и то же, то есть все просто связаны неразрывной... точкой даже, а не нитью. Единственное, что их занимает, это начало или лучше даже сказать так: «начинание»...

Арнис Ритупс: Начинание чего?

Анатолий Ахутин: Всего... Не метафизическое начало, то есть первое, простейшее очевидное или самодостаточное основание и так далее, а основание этого основания... Но было бы глупо двигаться к дальнейшим основаниям, если за ним ещё следующее основание и следующее основание. Значит, мы сразу же рассмотрим последнее основание, а именно основание, за которым никакого основания нет. Что это такое? Один философ, скажем, ответит: это некая самоочевидность или ясность и отчетливость, Декарт какой-нибудь. Подходит Гуссерль и говорит: а что это такое, ваша ясность? это что, психологический феномен? «эта вот вещь для моей психики ясна»... Значит, Вы базируете всю Вашу онтологию и метафизику на чем? на психологии. Это как-то нехорошо, господин Декарт! Нам нужно не психологическое основание... » Значит, ситуация парадоксальная. Мы должны найти основание и основания такое, что не отменится следующим шагом. Что же там, за этим последним основанием? только то, что не является основанием вообще. А чем? Основывающим. Тут нужно причастие, почему я и говорю «начинание», «действие начинания», инициатива от слова *initium*. А не *principium*, не то начало, которое остается начальствовать. Как инициатор человеческого

(всегда собственного) бытия каждый одинок точно так же, как одинок перед лицом смерти, куда за “мною” никто последовать не может, сколько бы ни любил. Смерть другого событие в жизни живых, моя смерть только моя, она происходит не в мире живых, а там, где никого со мною нет.

Арнис Ритупс: Анатолий, а какое основание для тебя... — ну, вот ты сказал, что для Декарта это ясность или очевидность, у кого-то там еще что-то, а у тебя вот какое?

Анатолий Ахутин: Самое изначальное, то, что я сейчас описал, эта изначальность, которая не является ни последним основанием, ни последней очевидностью, ни вечной истиной... возможность начинать, само начинание. Моя единственная проба быть человеком вообще в безусловном мире (не “я” пробую, я и есть или не есть, как удастся эта проба), проба потому, что происходит в том, что остается никогда не затронутым этой пробой. Проба, осуществимая только вместе с целым миром-мыслимом-на-пробу. Только эта назатронутость, эта мистическая бездна есть для меня другой, абсолютно другая проба быть. Точнее не просто другой, а другой как затронутый, со-затронутый этой загадочной незатрагиваемостью.

Арнис Ритупс: Там, где у Декарта очевидность и ясность, там у тебя.

Анатолий Ахутин: Вопрос в том, что такое очевидность не как психологическая.

Арнис Ритупс: Хорошо, ну там, где у Декарта, в его подходе, там, где у него очевидность и ясность, у тебя что? начинание?

Анатолий Ахутин: Загадка. Источник очевидности, начинание этого начала.

Арнис Ритупс: «Источник очевидности»?

Анатолий Ахутин: Ну да... источник последней очевидности, или вообще лучше сказать: источник последнего.

Арнис Ритупс: Что это такое? это какая-то...

Анатолий Ахутин: Декарт ближе всего к тому, что я имею в виду, в своем сомнении. Вот тут и надо рыть. Не «ясность и очевидность» и не «интуиция» Гуссерля, а онтология сомнения, вот место философского начала. Для Декарта, Гуссерля и других искомое начало должно обладать самодостоверностью, иначе оно не начало. Для меня вопрос: какой логикой, каким ходом мысли, какая архитектоника интеллигибельного мира держит самоочевидность этого начала. Вот тут и происходит заглядывание философии за край света («естественного света разума» в случае Декарта), о котором я говорил вначале.

Арнис Ритупс: Хорошо, тогда это диалог, там... «культур-мультикультур»...

Анатолий Ахутин: Я пока про культуру,

как ты мог бы заметить, ни слова не сказал...

Арнис Ритупс: Да-да! но про диалог... ты сейчас описываешь Декарта или говоришь о нём, будто для тебя ход мыслей и основания Аристотеля ясны, Декарта тебе ясны... вот ты всех их разложил здесь вокруг... — а где твой ход мысли?

Анатолий Ахутин: Ход мысли это их ходы мысли, взятые как ход мысли. — А чего тебе еще надо? ты попробуй! Один спор Платона с Аристотелем жизни может стоять, если всерьез брать (только сегодня “серьез” совсем другой). Мой ход мысли состоит в следующем: что начало, истинное первое начало, первое первого...

Арнис Ритупс: Сейчас... я полный идиот в этом... Вот живем мы, сидим, вот ты не можешь мне показать ход мысли как то, что мы тут пьем чай и о чем-то говорим... ты не мог бы мне показать путь отсюда к мысли о началах? Да живи спокойно себе! а вот ты как-то додумался о началах... Ты не можешь показать один какой-нибудь вариант как из того, что мы тут сидим...

Анатолий Ахутин: Говорю тебе, Арнис, что философия предполагает не менее сложную технику, чем музыка, а это значит, что этот путь, который ты мне предлагаешь как-то набросать.

Арнис Ритупс: Или исполнить...

Анатолий Ахутин: тем более предполагает длительную и методичную процедуру обучения — так же точно, как чтобы понять, как живет музыка, а не как я ее воспринимаю, я должен забыть про все, сесть в класс...

Арнис Ритупс: За пианино...

Анатолий Ахутин: Не столько пианино, сколько устройство гармонии музыкальной, интервалы, лады, тональности, модуляции. Только тогда я проникаю в особый мир, мир музыки, где происходят музыкальные события. Только тогда эти события могут захватить меня, я, может быть, смогу уловить какие-то там складывающиеся происшествия, композиции, и поскольку по каким-то тайным законам (которые тоже неплохо бы знать), эти звуковые происшествия имеют прямое отношение к происшествиям и событиям человеческой жизни (к ее онтологии, а не психологии, иначе говоря, это события, которые со мной происходят, а не которые я чувствую и переживаю, сидя в теплом кресле). Тогда только мы поймем, к примеру, что происходит в конце XIX начале XX века в музыке, когда закладываются совершенно иные начала (поймем не знанием, а всем существом). Начала лежат не в начале, а в конце, это то, что Аристотель называл «есть ясное для нас, есть ясное по природе», то есть само по себе, и путь философии лежит от первого ко второму, и он говорит, что нет ничего более трудного как перейти от ясного для нас к ясному по природе. Но если ты этот путь прошел, тогда для

тебя то, что было ясно для нас, будет совершенно темным, а то, что «по природе», будет яснее ясно-го. И говорит ещё, что ясное по природе нам так же мало известно, как летучим мышам свет. А ты мне хочешь сказать: а ну пройди-ка быстренько мне этот путь! От того, что ясно для нас — вот мы сидим, чай пьем, какое-то интервью, журналы... потом я пойду домой... — это вот то, что ясно для нас, мир как он ясен для нас. Для того, чтобы понять, о чем говорит философия уже в строгом смысле...

Арнис Ритупс: О чем ты говоришь, когда говоришь как философ?...

Анатолий Ахутин: Я говорю о началах вслед за и вместе с философией. Может показаться противоречием с тем, что я говорил раньше, но у меня ничего “своего” нет.

Арнис Ритупс: Хорошо, но вот чтобы это понять, ты говоришь, что ты не можешь мне это рассказать?

Анатолий Ахутин: Нет, я могу тебе это рассказать в той мере, в какой я могу опираться на твое образование, на твое знание и довольно глубокое, как ты ни придуриваешься, того, что такое философия. Когда я говорю тебе: бытие, мысль... если ты начинаешь спрашивать «а что это такое?», это уже философский, а не обыденный вопрос. Так вот, я могу попробовать это сделать, но мы должны прекрасно понимать, что между первым и вторым лежит конструкция. Я, в отличие от многих философствующих, считаю, что невозможно, бессмысленно говорить о чем бы то ни было философском так же точно, как бессмысленно играть на каком угодно инструменте, если ты не владеешь техникой, тем, что в философии называют логикой, не формальной логикой, а логикой в смысле трансцендентальной у Канта, диалектической у Гегеля или у Платона, онто-логикой. Вот будете читать *Софиста*, увидите, как он движется, как он выстраивает логические мостики, мостки, по которым мы можем только подойти к тому, что действительно является проблемой, изначальной проблемой, мы даже не подозревали, что она такое! Парменидовский ход! Чтобы понять парадоксальность и неизбежность, необходимость парадоксов и апорий у Парменида, мы должны пройти сложный логический путь, на котором только и можно будет понять, что имеет в виду Парменид, говоря «бытие», и почему это бытие вместе с мышлением — это ведь то же самое! То есть только там, где мышлением своим я исчерпал всякую видимость чего-то такого, что от мышления отлично. Только там, на кончике мышления я утыкаюсь прямо в бытие, которое и тождественно с мышлением, и отлично от него, но отлично только здесь, на той самой границе, где я коснулся его мыслью! Но для того,

чтобы это понять, а не слышать, как некоторые формулы философских профессоров, нужно пройти этот путь, методично пройти этот путь, иметь этот инструментарий, которым ты это держишь! Не будь у тебя рук, ты бы не мог вообще ничего держать! вот рука, а то, что ты держишь, не имеет никакого отношения к конструкции рук.

Арнис Ритупс: Но есть какая-то разница между тем, что ты идешь по этому пути, и ты чертишь карту...

Анатолий Ахутин: Нет, тут нету разницы, не может быть в философии этой разницы между самим путем и картой. Никаких карт в философии нет...

Арнис Ритупс: А ты не мог бы показать?... неужели я настолько туп... я не понимаю, как мы от ясности, что вот пьем чай и говорим...

Анатолий Ахутин: Нет, это я не мог бы показать...

Арнис Ритупс: Не можешь... как от этого перейти к началам...

Анатолий Ахутин: Вот тебе пожалуйста пример... если будет достаточно этого намек и ты сразу вспомнишь, скажи... Это седьмое письмо Платона, его рассказ о том, как он к тирану пришёл, чтобы он научился философски править. Тиран ему говорит: «Давай, давай, я готов!» Что они стали делать? он стал с ним ходить и беседовать, потому что никак иначе в философию не войдешь, а надо пройти все эти сократические беседы. И на пятый или на седьмой день тиран, которому надо править государством, сказал: «Слушай, что, мы так и будем с тобой ходить и беседовать? Давай лучше Расскажи мне кратенько, и я буду воплощать твою философию в жизнь! Я буду твою философию воплощать в жизнь! Ты мне только скажи!». И Платон был очень мудр, когда он сказал... помнишь эту фразу?... я уже всем о ней рассказал, повесил даже на стенку «Философию нельзя изложить так, как другие науки. Философия предполагает, что ты слил с этим занятием всю свою жизнь», а не какие-то карты, инструкции, рецепты и теории, которые можно было бы от себя отстранить и передать другому, как в науках. Это жизнь. «И только когда ты слил с ней свою жизнь (продолжаю буквально цитировать) в конце внезапно, то есть не гарантировано, загорается свет, и после этого уже сам себя питает»... это тоже очень важная фраза... «после этого он сам себя питает». Это не просто добрать и указать на начало, самоочевидность или, там... бытийность, или еще что-то, а только тогда ты будешь понимать, что такое декартовская очевидность, почему *cogito* действительно *ergo* действительно *sum*, а не какая-то идиотская фраза: «почему это я когда мыслю, тогда существую? я

существую гораздо более богатым образом! при чём тут мышление?... мысль это только моя функция! это какой-то глупый философ... или философ, потому и глупый!» Для того, чтобы понять, что это абсолютно неизбежная, во-первых, абсолютно очевидная мысль, надо пройти декартовский путь. Надо прочитать сначала «Правила для руководства ума», потом побиться над рассуждением о методе, которое сбивает с толку своей простотой, побиться над ним, пройти в мыслях этот путь и тогда мы скажем: «конечно, а как же иначе?»

Арнис Ритупс: Ты все еще веришь, что VII письмо написал Платон, да?

Анатолий Ахутин: Мне, во-первых, на это наплевать, потому что мне важен ход мысли, а не... а во-вторых, я не встречал ни единого возражения на его подлинность. Среди всех других писем филологами, а не мною, почти единогласно признано, что если и есть какое-то подлинное письмо, то VII-е. А потом, повторяю, мне это не важно, мне важно, что это согласуется полностью с основным пафосом платоновской философии, которая недаром изложена в сократических беседах. И последнее. Διαλεκτικὴ τέχνη, то есть искусство беседы, высшее, венец, то, где все содержится, по Платону, иными словами тут сказано то же самое.

Арнис Ритупс: Хорошо...

Анатолий Ахутин: Да, минуточку... хотя, говорит Платон, об этом и нельзя рассказать, я сейчас в двух словах все-таки попробую сказать. Вот я примерно это и могу сказать. Пять ступенечек он показывает: имя, определение, эйдос, ум сам по себе и то, о чем ум. Затем, сам ум со своим знанием (эпистемой) нужно отличать от того, о чем ум; а поскольку ничего другого кроме того, что в ум взято, в том, о чем мы не знаем, то о нем мы можем сказать только одно: «то, о чем»... непонятно, нет?

Арнис Ритупс: (ехидно) Нет, непонятно... главное, мне непонятно, вот как ты эти пять ступеней...

Анатолий Ахутин: Я еще не закончил, я просто по поводу последнего, понятно ли последнее...

Арнис Ритупс: Нет, не понял... но это не важно, я должен подумать. Но как они свидетельствуют...

Анатолий Ахутин: А как логика идет! Это логика ответа на вопрос «что такое?». Первый ответ всегда нам дан в названии, который совершенно нас не удовлетворяет. Весь номинальный язык, собственно, не говорит, что это такое, но указать может. Второе название, которое всё-таки уже говорит о том, что это такое определение. Значит, чашка это имя, а «чашка — это, там... — вещь, предназначенная для питья»... или что-то такое

это определение. Определение мне ничего не говорит пока еще, если у меня в голове посредством и силою этого определения не возник образ, потому что определение многословно, и слова меня уводят в разные стороны, а вот если определение формирует в уме образ, тогда я знаю, о чем это идет речь. Но если у меня один образ без определения и я не знаю, как его сформировать, то неясно, что это такое, оно плывет, расплывается и т.д. Значит, только вместе образ и определение (эйдос и логос), корректируя друг друга, наводят на понимающую мысль. То есть образ плохая вещь, она нужная, но плохая, логос нужная, но тоже плохенькая... — они наводят на мысль, которая уже не образ и не логос. Но что от образа и от логоса? это сосредоточение: о-пределение, во-первых, во-вторых, образ, который несет в себе фигуру этого предела, о-пределенности, они наводят на мысль, которая сосредоточивает говорящую и зрящую мысль в ум. Вещь (одна) мыслится умом (одним). Ум мыслит о чем? о том, что есть и отделено от ума, сосредоточенным на нем, этим «о». Что сосредоточивает, что есть источник образа и определение? Одно. И стало быть, в начале начал лежит единое, одно, единица, потому что я, туда глядя, отвечаю на все вопросы, что это такое. Что такое «любовь»? я должен прежде всего в уме воспроизвести то одно, что все любви делает любовью. Значит, я должен сначала попробовать дать определение любви, то есть ее как-то ограничить, оформить, затем дать некоторый образ... словом, я показываю тебе логику, которая движется через такую вещь, как определение, а это вовсе не обязательно; во-первых, исходный вопрос: что есть такое-то? значит, что сначала мы ищем на этом пути заданным вопросом «что же именно есть это такое-то?», то есть именно «что это такое?» задает этот путь, именно «что», которое я буду искать, уже как-то заранее отвечает, пред-восхищает ответ.

Арнис Ритупс: Это не невинный вопрос... это хитрый, он содержит уже ответ...

Анатолий Ахутин: Именно так. Много ответов, а главное, он содержит в себе логику ответа (онто-логику), он задает что я, собственно, хочу искать, вообще ища? Вот я ищу что-то, но я уже нашел «что», значит, уже ответ дан. О чем? о начале, «начало» — это начало «что», начало всякого «что такое?». Значит, вот этой логикой вопроса, устройством вопроса задается, как я буду мыслить первоначало. Поэтому логика начала это логика ответа, понимая как логика пред-полагания... понятно, нет?

Арнис Ритупс: Заумно сказал.

Анатолий Ахутин: Пред-полагания... я говорю о том, что каждая философия полагает какое-то свое начало Платон эйдос, Аристотель

фюсис... Декарт *ego cogito sum* и так далее. Каждая философия имеет, что называется, свои принципы, и этими началами они различаются, и всякие начала имеют характер такой, что дальше спрашивать не о чем, иначе это не начало. Это начало либо самоочевидное, самое априорное, то есть самое первое, либо необходимое, и разного рода другие какие-то характеристики, которые говорят о первом начале. Устройство вопроса предполагает возможный ответ об источнике всех вопросов, о начале, так?

Арнис Ритупс: Ну, да... и мы должны показать, что этот вопрос уже заранее тебя как бы загнал в какой-то угол...

Анатолий Ахутин: Он не загнал...

Арнис Ритупс: Он тебе уже закрыл другие возможности...

Анатолий Ахутин: Верно. Но философия-то как раз и стучится в эту закрытость. Она идет по следу обратно и улавливает это всегда уже пред-положенное. Когда я веду философский анализ, я эту структуру, эту конструкцию вопроса начинаю разбирать, разбираю ее именно в основании. И когда я добираюсь до предельного основания, я говорю: последним началом всех вопросов о «что» является единое, то есть «что» всех «что» или форма всех форм... Это и определение всех определений. Во-первых, я подошёл к этому по логике самого вопроса, но задавать тот же вопрос («что такое?») об этом самом первом начале («что») бессмысленно. Но теперь-то я могу озадачиться этим единым как не «что»: начало всякого «что» само никаким «что» не будет, есть не «что», может, «ничто»? Или вообще как может быть единое? Вот неоплатоники отличаются от предшествующих тем, что они перешли уже за рамки античности, решительный шаг состоял в том, что они стали думать не о том, как единое объясняет всё остальное, делает формы и так далее, а о том, как оно возможно, то есть вот этот переход от того, как единое обосновывает мир, космос к тому «а что оно в себе-то?» Мое внимание сосредотачивается не на том, как оно лежит в качестве начала, а на том, что оно такое само по себе... «что оно такое»... Здесь, видишь, форма остается той же самой, но предмет, к которому направлен этот вопрос, не позволяет отвечать на него так же, как раньше отвечалось, стало быть и форму вопроса надо изменить. Значит, я беру в мыслящее внимание единое и начинаю о нем думать, как оно возможно, если оно не «что» и так далее. И что же тут открывается? Что мысль о едином (то есть об этом начале начал) не может быть устроена так, как любая другая *что*-мысль или *о-чем*-мысль, она не может быть отличной от него (пребывать вне, чтобы быть «о»), «о» нем нельзя ничего сказать, потому что это будет «что-

то» о «чем-то», помимо единого... ну, вся мистика неоплатоников. Мерещится некая мистическая вещь. Но потому и кажется мистической, что все еще мыслится как вещь. Что же это означает? Это значит, что мы попали в точку, где вся наша логика, которая позволяла нам и требовала от нас задавать вопрос «что такое?» и вела к этому единому, вся наша логика распадается здесь, проваливается, но проваливается... логично, не было бы логичности, не провалилась бы. Здесь в мире она так и остается, а вот там она распадается, и это значит, что возникает возможность, что в этом провале может быть провалились и какие-то другие логики, онто-логики, умопостигаемые миры. Они тут, как призраки, начинают приходить на ум, становиться мыслимыми, допустимыми. А в новом мире может быть иной способ задавания вопросов, значит, иная логика, производящая начало, иная логика внутри которой определяется начало. Например, не «что такое?», а «чем есть?» (в смысле: «чем люди живы?») Другое начало открывается мысли после этого окунания в бездну единого, в мистическую бездну что может быть более начально, чем единое? Что может быть более изначально?

Арнис Ритупс: Ничего...

Анатолий Ахутин: Ничто, совершенно верно. Единое, которое есть средоточие мира, которое есть мир в концентрированном виде, так сказать, сосредоточенный мир, и мы вдруг открываем за ним ничто, открываем его новым способом, не так, как оно было открыто Парменидом, Платоном, совершенно новым способом, так, что это ничто возможного другого мира. Только мы получили и кое-какое поучение о том, какой может быть другой мир: это ничто, которое может миры порождать, не лежать в их основе как последнее начало, единое, а порождать миры. Значит, в месте начала появляется смысл творящего, созидающего, делающего. Это совсем другая логика, и логика вопроса будет не такая: «что это?» (формально та же самая, конечно), а «кем? как?» Понимание самого «что» изменится, вот эта самая *quidditas* («чтойность») будет совсем другая. Потому что это мир в руках Божиих, то есть в руках Творца...

Арнис Ритупс: Хорошо, но не будем...

Анатолий Ахутин: Секунду... вот смотри, можно это понять так, что мы нашли более глубокое начало, более фундаментальное, но важнее, философски значимее спор. Почему очень значим спор неоплатоников и христиан, Августина, в частности, который этот спор скрывает тщательнейшим образом? Потому что здесь содержится возможный ответ сторонников единого, то есть античников (тех же неоплатоников), возражение философское, диалогическое возражение

на онтологию (и онто-логику) Творца. Ведь мы получили Творца не в результате откровения, а как философскую дедукцию, мы Его дедуцировали, то есть да не может и быть ничего другого (!) как начала, как творящего (начинающего в смысле творящего) не может быть ничего другого! Вот почему интеллектуальный мир античности, вообще говоря, так легко принял христианство, а христианское богословие нашло свой язык у неоплатоников. Но это уже историческая вещь.

Арнис Ритупс: Хорошо, давай об истории сейчас...

Анатолий Ахутин: Минутку... значит, мы открываем возможности и разные повороты в этой логике начала. Вот ты меня спрашиваешь: а твое-то какое? Отвечаю: «вот такое, то есть собрания разных возможных начал, миров в одно место и выяснение не логики мира, базирующегося на начале, а логики, порождающей сами начала, онто-логики начинаний, возможных начал». Этого, я утверждаю, не было до сих пор... Я тут следую за Библиером, разумеется. Парадокс этой ситуации в том, что, с одной стороны, никакого «моего» начала (отменяющего или синтезирующего другие) там уже нет, только сосредоточение в одной философско-логической точке разных возможных начал, а с другой стороны, такое открывается в первый раз, этого не было. Вот это и называется «диалог логик».

Арнис Ритупс: Хорошо. А вот я в этой старой форме «что такое?» можно задам один вопрос? Что такое мысль?

Анатолий Ахутин: Мысль это то, чем человек касается бытия... (*смеется*) я понимаю, что это плохой ответ... мысль это единственное, чем человек касается бытия...

Арнис Ритупс: Бытие то, чего человек касается мыслью...

Анатолий Ахутин: Мыслью, да...

Арнис Ритупс: И все?...

Анатолий Ахутин: ...Как говорят в таких случаях американцы: «если Вы понимаете, что я хочу сказать».

Арнис Ритупс: If you know what I mean...

Анатолий Ахутин: Это просто напоминание изначально парменидовской мысли, так называемое тождество мысли и бытия. Только мы должны не тождество понимать из заранее известных мысли (что-то там у нас в голове) и бытия (там, вне, реальное), тогда получится абсурд, а наоборот: мы должны понимать бытие из этого тождества и мысль из этого тождества. Тождество это точка, которая одинаково держит и смысл бытия, и бытие мысли. Понятно, почему? нет

Арнис Ритупс: Ну, понятно, понятно...

Анатолий Ахутин: Но вместе с тем (в том

самом месте) они и граничат, расталкиваются. Идея границы тут главная, начало как граница, то, что связывает, то и различает: только мысль, коснувшаяся бытия, способна понять, что значит, что бытие не мысль...

Арнис Ритупс: Ты уже говорил, да... если мысль это то, что касается бытия, где это то, чего касается мысль, то... не есть ли, так как ты так сказал, нет ли у тебя какого-то другого выхода на ответ, другого, нежели «чем бытие объясняет мысль, мысль объясняет бытие»...

Анатолий Ахутин: Не объясняет... хотя можно сказать «объясняет», но только этимологически. Тут нужно только дополнить еще, что мысль есть там, где есть логос, то, что собирает все воедино. О чем бы я ни думал, если я спрашиваю об этой чашке просто, а не о бытии ее, то это тождество ерунда. Но если я говорю, что я хочу подумать об этой чашке во-первых, я понимаю, что это значит, «подумать» это значит увидеть, уловить, схватить ее как таковую, то есть не в том, как она в разных обстоятельствах бывает, может быть разбитой, может быть целой, может быть перевернутой, а вот во всех этих ее возможностях, я должен все это собрать в одно: чашка это то, что может быть и так, и сяк, но когда я спрашиваю, а что же она такое я должен все это собрать в одно. Это я могу сделать только мыслью, правда? потому что никакое положение вещи не дает мне ее саму по себе. Положение вещи самой по себе может быть только у меня в мысли.

Арнис Ритупс: А чем такое объяснение мысли и бытия отличается от того, что «х это то, что касается у», а «у это то, чего касается х»?

Анатолий Ахутин: Ну, я только что пытался объяснить, что это не просто касательство, это касательство в форме собирания в то самое, о чем я думаю.

Арнис Ритупс: Вот когда ты собираешь чашку в одно, то я понимаю, а когда ты собираешь бытие в одно...

Анатолий Ахутин: Нет-нет-нет! Это горизонт, это перспектива собирания, бытие это перспектива, что есть чашка. (*кричит*) не какова она может быть, не какова она случилась здесь, не какая у нее величина, не кто ее может брать, а что она есть! Это есть предел ее собирания, сосредоточения, сосредоточить же я могу только мыслью, мыслью я собираю ее в то, что мыслью не является!

Арнис Ритупс: Ты собираешь ее...

Анатолий Ахутин: ...в то, что она есть. Так?

Арнис Ритупс: Ну, чтобы я не счел тебя чистым догматиком, я должен понять...

Анатолий Ахутин: Ну я же говорю, что это мысль делает, какой же тут догматизм?... Ну, пусть трансцендентальное бытие, строго говоря,

по Канту, что ты вкладываешь в догматизм...

Арнис Ритупс: До того ты говорил о бытии как о вещи...

Анатолий Ахутин: Конечно, я не...

Арнис Ритупс: А сейчас ты говоришь о бытии как о перспективе. В чем?

Анатолий Ахутин: Нет, я тебя всегда просил не путать бытие и вещь! Мне казалось, это в твоих вопросах звучало... — я не мог на них отвечать, потому что видел, что ты под бытием некую вещь мыслишь. Бытие не вещь, разумеется, а то, чем вещь держится, это то, что вещь *есть*, а не *что* она есть. Ты же, надеюсь, не понимаешь трансцендентальное психологически или как-то иначе субъективистски. Трансцендентальное и есть онтологическое, Кант не упразднил онтологию, а показал, как странно и сложно она устроена. В том-то и парадокс, что там, где сосредоточена бытийность бытия вещей, мы находим мысль. Кант имел в виду то, что в его время называли «объективной сущностью», и показал, что она имеет характер мысли, трансцендентальной реальности. Но, как и положено философу, сказал гораздо большее, чем думал сказать...

Арнис Ритупс: Вот это... интересная идея.

Анатолий Ахутин: Слава Богу, хоть что-то удалось сказать толковое!.. Хотя, увы, идея-то не моя и даже не кантовская, а платоновская...

Арнис Ритупс: Идея в том, что кроме того, что есть так или сяк, есть там и сям...

Анатолий Ахутин: Есть просто *есть*.

Арнис Ритупс: Ну вот... откуда такая мысль, что есть просто *есть*?

Анатолий Ахутин: Если ты говоришь: так есть, сяк есть, то различаются так и сяк, а не различается есть.

Арнис Ритупс: Но это же полная ерунда...

Анатолий Ахутин: Не понял? Я уж было подумал, что что-то удалось сказать, а нет...

Арнис Ритупс: То есть я могу понять, когда мне говорят: вот это есть красное, или вот эта кружка круглая, она на столе... есть на столе, она тут есть уже два часа... вот это все я понимаю, но без этих дополняющих...

Анатолий Ахутин: А что ты говоришь, когда говоришь «есть»? what do you mean?

Арнис Ритупс: Я думаю, что ничего, это связка.

Анатолий Ахутин: Не всегда же она связка.

Арнис Ритупс: Но идея о том, что она может быть и не только связкой, вот это...

Анатолий Ахутин: Очень просто можно сказать: вот есть чашка... что тут есть, в этой комнате, я спрашиваю?

Арнис Ритупс: Ты уже сказал «вот», ты уже сказал «где есть»...

Анатолий Ахутин: Нет-нет... — что есть в этой комнате? Ты начинаешь отвечать: в этой комнате есть...

Арнис Ритупс: Но ты уже сказал: «где-то есть» а не просто «есть», а где-то, когда-то.

Анатолий Ахутин: Чтобы быть где-то, когда-то, как-то, нужно “сначала” (не во времени, конечно) просто быть, быть просто. Что ты говоришь, означает только одно: мы не можем сказать «есть», не говоря «где», «когда», «каково» и так далее.. это условие возможности...

Арнис Ритупс: Даже подумать не можем.

Анатолий Ахутин: А кто спорит с этим? Я сказал: «собрание», правда? и собрание в чем? в пространстве, времени, в количествах, качествах там... отношениях и так далее, правда? Значит, это автоматически входило в условия говорения о бытии, это всегда собрание рассыпанного, распространенного в пространстве, текущего во времени, находящегося в разных отношениях... Но я это все вместе, с пространством, временем и так далее собираю, и поэтому-то я имею дело не с пустой абстракцией, лишенной пространства, времени и так далее (нуль), а наоборот, предельной концентрацией и пространства, и времени... «Есть» это мгновение, есть эта точка пространства, насыщенная и интенсивная, «есть» это то, что собирает и сосредоточивает в себе все качества, все определения, все отношения и так далее, это то, что в себя все вбирает. Иначе «пока еще не «есть», а только «может быть», потому что того-сего не хватает». Если опять брать греческий опыт, без которого мы бы тут никуда не продвинулись, вот лосевский, скажем, поворот: на пути между этим многообразием (вот мы сидим, чай пьем), между многообразием и идеей лежит художественное произведение, как эта сцена выглядела бы в фильме, в театре, в романе, не говоря о картине или скульптуре: мы сидим, чай пьем. Что такое скульптура? «изваяние», лучше сказать так, а «изваяние» это такая форма тела, скажем, нас или Аполлона, абсолютно покоящаяся, совершенно закругленная, абсолютно пропорциональная, которая содержит в себе (важное слово: содержит в себе) все, что мы знаем, и все, что мы не знаем об этом боге, все его приключения, все его дразги, все, на что он способен, все его поступки, весь его скорый бег, если это Гермес, и так далее и так далее. Все это каким-то образом вмещено в это изваяние. Умный или культурный (первый раз это слово произношу) взгляд видит в этом едином, в этом «что» все, что ему принадлежит, это собрано туда. Изваяние есть логосный эйдос бога. И это никакая не фантазия, мы это у Аристотеля прочтем, но это стоит на пути, потому что изваяние это всего лишь подобие, его еще дальше надо собирать. Художественное произ-

ведение отличается от вещи просто тем, что оно провоцирует или помогает этому дальнейшему собиранию. Воспринять художественное произведение как художественное это значит поддаться его провокации и помощи, продолжить собирание, то есть оно помогает дальше собирать, переводить зримое изваяние в мыслимое. Ну и так далее. Это есть логика, движение греческой мысли, культурно определенной мысли к своим началам. Вот что значит быть чем-то (образом, схемой) на пути к синтетической идее, как сказал бы Кант... Где Кант скажет слово «опыт», там грек скажет слово «эйдос». «изваяние» или космос... «Космос» не как Вселенная, а как произведение искусства. Логос и космос, на пути к этим идеям стоит логичный или космичный образ вещи, логичный и космичный здесь одно и то же в отличии от того, что мы привыкли думать. Логичный и космичный образ вещи стоит на пути от нашего рассеянного, но всем понятного бытия к этому средоточию, где, действительно, все существующее обнаруживается как явление бытия, как... как это говорится? эпифания. То есть не вещь, которая есть, а *есть*, которое вещится... (*смеется*).

Арнис Ритупс: Ну хорошо, вот здесь остановимся...

Анатолий Ахутин: Давай...

Арнис Ритупс: Только последний вопрос, такой... из воображения. Вот подумай, если после всего этого... на Последнем Суде тебя спросят: чем ты занимался, что ты делал?

Анатолий Ахутин: Тебе ведомо, Господи, Тебе ведомо... а уж никак не мне... чем я тут занимался, как именно просвистывал данную мне жизнь.

Арнис Редович: Значит, ты не знаешь, что ты делаешь?

Анатолий Ахутин: Нет, я думаю, что знаю, но я знаю также, что то, что я действительно делаю, одному только Господу известно, а не мне.

Арнис Ритупс: Ну, хорошо... Вот на этом остановимся. Или ты еще хочешь дополнить?

Анатолий Ахутин: И все-таки последнее слово, последнее слово... Я тебе недаром связал это дело с греческой мыслью, то есть греческий образ мыслей есть такой в широком смысле, не в смысле ментальностей и так далее, а в смысле по-гречески думать о...

Арнис Ритупс: О чем?

Анатолий Ахутин: О сути вещей всерьез. И вот есть другая культура мысли, целостная, стоящая на другом начале, но она такой же существенный способ, форма, образ думать о сути вещей. Это, например, средневековая... — за это я отвечаю насколько я могу это показать...

Арнис Ритупс: «Зуб даю»...

Анатолий Ахутин: Не зуб, а мысль даю, в той мере, в какой могу показать. И третья сфера это вот разительно отличная, на новых началах, это Новоевропейская. Я не знаю ничего ни про Восток, ни про все другое... Вот эти три для меня обрисовались, разумеется, потому что я все время в этом образе думаю. Но вы обратите внимание маленькая деталь, которая показывает, что это не просто моя выдумка: эти два рубежа, то есть Античность, Средние века, Новое время, отмечены на карте истории, или лучше сказать в произведениях, отмечены их собственными создателями, мыслителями как решающие рубежи: старое прошло, теперь все новое... это понятно, надеюсь? И то, чем я специально занимался, когда я в Институте истории естествознания работал, XVI–XVII век, почти все трактаты, которые там появлялись (ну, известные мне, конечно) носят название «новое»: «новая наука», «новое», «новое», «новое»... — вот этот вот спор старых и новых, все это симптом того, что меняется характер, склад, логос культуры, склад то есть человеческого бытия на земле, склад этого «как»...

Арнис Ритупс: «Человеческое бытие на земле» это для тебя расшифровка слова «культура»?

Анатолий Ахутин: Да-да... Потому что каждый раз человек на земле существует не просто, не «вообще», а «как». «Как» это целостное определение, и не индивидуальной жизни, а эпохальной, «эпохальное как» вот что такое культура... эпохальное «как быть человеком». Вот что такое «культура». Она тотальна, целостна, а не ментальна, не этнопсихологична, не социологична, не какие-то там вообще музейные экспонаты, культура онтологична и только в таком качестве, только поэтому может попасть в горизонт философии. Это бывшее в своем общезначимом виде, вот этот опыт «быть так» значим для моего собственного опыта «быть так», вот здесь и теперь.

Арнис Ритупс: Как ты есть?

Анатолий Ахутин: В смысле? не понял.

Арнис Ритупс: Ты описал, что «быть так» это одна культура...

Анатолий Ахутин: Да, «быть так» я описал, когда отвечал на вопрос о том, каково же мое начало. Я ем так, что для меня теперь значимы, актуально значимы разные «как», я нахожусь в этом довольно-таки страшном, неудобном положении... «разнокакости» (*смеется*).

Арнис Ритупс: «Разнокакости»?

Анатолий Ахутин: Обязательно сохрани! разнокачественности бытия, разнокакости бытия...